

ОКТАБРЬ 2021 Календарь

Употреби труд, храни мерность — богат будеши;

воздержно пей, мало яждь — здрав будеши;

твори благо, бегай злаго — спасен будеши. *Из духовного завещания свт. Митрофана Воронежского*

ХРАМЫ: БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ • СЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКОГО • ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ • СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЛАДИМИРА МЕДВЕДУКА • СЯЩЕГО МУЧЕНИКА ВОНИФАТИЯ • СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА АРТОБОЛЕВСКОГО • ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ • УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ • ПРЕПОДОБНОГО АНДРЕЯ РУБЛЕВА

21 октября 2020 года отошел ко Господу приснопамятный отец Димитрий Смирнов

1 Протоиерей Александр Березовский, Надежда Исааковна Кантор, Валерий Ефимович Демин, Ирина Львовна Балаева, Елена Васильевна Крохина, Сергей Александрович Михеев. ПАМЯТИ ОТЦА ДИМИТРИЯ

34 Протоиерей Димитрий Смирнов. ПРОПОВЕДЬ

36 ИЗ БАТЮШКИНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ • **37** РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

ХРАМЫ, КОТОРЫЕ ОТЕЦ ДИМИТРИЙ ВОССТАНОВИЛ И ПОСТРОИЛ ЗА ГОДЫ СВОЕГО НАСТОЯТЕЛЬСТВА

ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКОГО

ХРАМ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

ПАМЯТИ ОТЦА ДИМИТРИЯ

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР БЕРЕЗОВСКИЙ

Отец Дмитрий, как он сам говорил, выбрал путь христианина сразу, без колебаний. Еще в далекие советские времена, когда и храмов-то открытых было совсем немного, он уже проникся любовью ко Христу, принял Евангелие всем своим сердцем и вся его жизнь была жизнью по Евангелию. Поэтому, конечно, отец Дмитрий — великий человек, его величие было возвращено не на чисто человеческих качествах, а на его вере.

Батюшка сыграл огромную роль в жизни очень многих людей, в том числе и моей. Я никогда не собирался становиться священником, моя светская профессия была связана с компьютерами, в девяностые годы это было очень востребовано и перспективно. Но встреча с отцом Дмитрием перевернула мою жизнь и изменила мои ценности.

В 1991 году, когда Благовещенский храм передали Церкви, там начались реставрационные работы, но сначала вывозили мусор в больших количествах. И моя мама, давняя прихожанка отца Дмитрия еще с Крестовоздвиженского храма, как-то сказала: «Не мог бы ты помочь». Я еще мало что понимал в цер-

ковной жизни, но стал приходить на эти субботники. Помню, что батюшка всегда принимал в них активное участие. Он был очень энергичен, молод и полон грандиозных идей, многие из которых за эти четверть века действительно сумел реализовать, хотя казалось, что они совершенно нежизнеспособны, уж очень они смелые, грандиозные.

Не скажу, что сначала отец Дмитрий произвел на меня положительное впечатление. Меня как-то пригласили послушать его проповедь, и она мне не понравилась такой однозначной, твердой позицией. Но потом пришло понимание, что позиция может быть только такой. Христианство не может быть толерантным к разного вида грехам, потому что Бог есть свет и правда и любая неправда, любое зло противится Богу. И батюшка, как бы трудно ему ни было, как бы на него ни нападали, как бы его ни критиковали, ни пытались склонить на свою сторону, все равно держал правду Божию. Для него это было самым важным, и он знал, что в конце концов она восторжествует. Так всегда и было.

Когда я начал уже трудиться в приходе, в издательском отделе, мы с отцом Дмитрием стали часто встречаться, потому что он большое внимание уделял издательской деятельности. Книг было мало, они были востребованы, многие даже переписывались от руки, и одной из идей отца Дмитрия было качественно, с хорошей полиграфией издавать православную литературу. Нашлись люди, знающие верстку, редактуру, знающие, как вообще книжки делать, и нужен был человек, умеющий соединить все, что необходимо для издательской деятельности, в единую сеть, компьютер, принтер, сканер, запустить, чтобы это все работало, и обучить тех же сотрудников. Этим я и занимался на первых порах, и, видно, батюшка присматривался ко мне, а потом в трапезной Митрофаниевского храма подсел за мой столик и вдруг говорит: «Знаешь что, приходи в алтарь, будем тебя на алтарника учить». Не помню, чтобы так вот один на один мы с ним до этого разговаривали, а это запечатлелось в памяти. Я полночи думал, идти или не идти, потому что как-то это слишком неожиданно прозвучало, и решил сходить, по крайней мере, посмотреть, что это такое. Думаю: «А там решу, да или нет». Оказалось, что «да», я остался в алтаре и до сих пор там служу.

Отец Дмитрий был талантливый человек и в плане психологии и, видно, различал людей, способных к работе в его команде. Он собирал именно команду, и все люди, которые четверть века с ним работали, — это те, кого он сам выбрал, позвал, объединил и с их помощью создал то, что является нашим приходом на сегодняшний день. Меня он даже не спросил ни об образовании, ни о моем желании. Это вообще в его стиле, он понимал, что человек сам может и не знать, что для него лучше, и просто говорил: «Ты будешь».

Потом все происходило даже не быстро, а стремительно. На следующий день после нашего разговора была всенощная под Успение Богородицы, на нее-то я и пришел, впервые переступив порог алтаря. Прошло буквально месяца два, и вдруг отец Дмитрий мне сказал: «Ну, ты готовься, нам нужен дьякон». Я говорю: «Батюшка, да я вообще ничего не знаю». — «Ну, подучи, что там вообще, почитай». — «Батюшка, я же не успею». — «Ой, да это все будет нескоро».

Я успокоился, думаю, значит, это отдаленная перспектива. Конечно, стал читать книжки, которые он порекомендовал, и 23 марта следующего года, то есть чуть меньше чем через семь месяцев, уже стал дьяконом. А ведь нужно было пройти Епархиальный совет, сдать экзамен, это действительно очень-очень непростое дело. Но

я так всегда рассуждал: раз батюшка сказал, значит, буду делать. Ну и потом, наверное, Богу так угодно. А раз так, значит, Он поможет.

Так, собственно, все и произошло. Меня нельзя было назвать подготовленным к этому служению, я еще очень много чего не знал, приходилось осваивать прямо сходу, но Господь всегда помогал, подсказывал, всегда были люди, готовые поддержать, и в первую очередь, конечно, отец Дмитрий, который на все ошибки, а их было бесчисленное множество, очень благодушно, очень спокойно реагировал. Помню, начался молебен, нужно было прочитать «Бог Господь и явися нам...» — и он мне сказал: «Ну давай, читай». Я говорю: «Ой, батюшка, а я не помню». — «Да? Ну ладно, тогда я сам». Нередко бывало, что в какой-то момент я терялся, может быть, что-то упускал из службы, и он всегда приходил на помощь, причем делал это без упрека, даже без взгляда осуждающего, просто сам продолжал.

Он службу знал великолепно, наизусть. Его самого учили люди очень грамотные, знающие, он воспринял от них эту практику служения, и она действительно, на мой взгляд, очень правильная, потому что приходская служба все-таки отличается от монастырской и продолжительностью, и составом. Я в разных храмах служил, видел различные традиции, но наша мне больше всего нравится, отец Дмитрий очень разумно организовал служение. Сам он, когда служил, всегда отрешался от всего: вот он и Христос, Которому он предстоял. Поэтому сослужить ему было всегда великим счастьем и радостью. У нас частенько бывали гости, и они всегда отмечали особую атмосферу в алтаре, которую он сумел создать, говорили: «Ну это просто чудо». Многие приезжие батюшки, когда бывали в Москве, старались прийти в наш храм и послужить вместе с ним. Молодые священники даже приглашали его как консультанта.

На всех наших пастырских собраниях, семинарах отец Дмитрий говорил, что в первую очередь мы должны служить людям, помогать им идти ко Христу. И он организовывал и богослужение, и вообще приходскую жизнь именно с этой целью, чтобы человеку, переступившему порог храма, протянуть руку помощи, не оттолкнуть его, не напяречь, не возложить на него бремена неудобноносимые. Одно время на литургии он говорил проповеди после Евангелия, а они были достаточно пространственные, и он потом сказал: «Нет, давайте перенесем на запричастный стих, потому что для прихожан так лучше».

Батюшка был открыт людям, всегда до последнего человека принимал исповеди, беседовал. Иногда всенощная уже закончилась, девять вечера, а он еще исповедует. Уже храм почти опустел, все священники ушли, а он в своем уголке сидит и с кем-то беседует, потому что ну а как, человек пришел, значит, ему нужно уделить время, внимание, даже если ты безумно устал. И люди зачастую уходили с решенной проблемой, обнадеженные, потому что батюшка умел в нескольких словах сказать то, что человеку было нужно. Некоторые приезжали издалека, из другого города, и иногда приходила мысль: «Там что, нет своих священников, что ли?!» Но ехали к тому, кто мог дать правильный совет, и находили утешение, это как-то чувствовалось. Этому я был много раз свидетелем.

Отец Дмитрий большое значение придавал любой возможности донести слово Божие до людей. И когда стало можно выступать на радио «Радонеж» — это было самое начало передач в прямом эфире, я тогда еще не был ни священником, ни дьяконом, — позвал меня и говорит: «Слушай, мне нужен помощник, поехали». Спрашиваю: «Батюшка, а что делать?» — «Там разберемся, нам скажут». Нас встретил Женя Никифоров, который очень волновался. Мне дали список вопросов, говорят: «Нужно их задавать батюшке, а он будет отвечать». Видно, был анонс передачи, поэтому многие успели прислать вопросы, и первая передача прошла очень интересно, Женя был доволен, батюшка тоже, сказал: «Ну все, мы теперь будем с тобой в этом формате выступать». Потом параллельно с «Радонежем», который никогда не прерывался, мы стали ездить на телеканал «Спас». Потом появился телеканал «Союз».

Сначала в кадре был только отец Дмитрий, иногда с ведущим, а я сидел на телефоне, принимал вопросы, и какие-то заранее подготовленные вопросы уда-

валось вставить в передачу. Потом батюшка сказал: «Ну-ка давай садись рядом, мне будет немножко полегче, будем в таком диалоге с тобой работать». И так продолжалось до последнего времени, пока батюшка был в силах. В одном из последних интервью он сказал: «Мы накопили архив тридцатилетних выступлений. И вам еще тридцать лет его смотреть не пересмотреть». На блоге отца Дмитрия больше десяти тысяч его ответов, это настоящее богатство.

Сначала большинство вопросов касалось духовной жизни, но потихонечку это отошло на второй план, а на первый вышли житейские проблемы: как быть, что делать, вот у меня ситуация... И отношение отца Дмитрия к этому жанру ответов на вопросы с годами поменялось кардинально. Поначалу, помню, он всегда с таким воодушевлением, иногда заранее меня спрашивал: «Ну о чем сегодня поговорим?» Или сам предлагал тему, с которой можно начать передачу. А потом бывало, что передача заканчивается, он с улыбкой прощается со зрителями или слушателями, встает, тяжело вздыхает и говорит: «Все, больше сюда не приду, надоело». Но наступала следующая суббота, я спрашивал: «Батюшка, ну как, сегодня едем?» — «А как же? Едем обязательно!» И мы опять вечером ехали на «Радонеж».

Видно было, как ему тяжело, как он устал, неделя была напряженная, может быть, и какая-то командировка была, он недавно прилетел, и только что отслужил всенощную, и сказал замечательную проповедь, но он говорил: «Едем» — и вот часовая передача в прямом эфире, где нет пауз и надо выложиться по полной. А на следующий день он как ни в чем не бывало служил литургию, встречался с людьми, часто приезжали какие-то съемочные группы, он давал интервью — а вечером еще часовая передача на «Союзе», опять в прямом эфире. И надо быть бодрым, открытым, приветливым, доброжелательным. Я удивлялся, как у него хватало на все сил. Думаю, любовь к людям — это был их источник.

Батюшке нравилось общаться с людьми, потому что он и сам много получал важного, полезного для себя, и мог людям донести правду Божию, которой жил всю жизнь. Когда перед передачей я спрашивал: «Батюшка, какие вопросы не будем брать, может быть, они вам неприятны или эта тема для вас неинтересна?» — он иногда задумывался, потом говорил: «Берем все». Порой были вопросы совсем наивные, но батюшка умел на них ответить серьезно, очень вдумчиво и содержательно. А были провокационные вопросы, которые предполагали, может быть, взрыв возмущения или какое-то уклонение от прямого ответа, но батюшка всегда отвечал прямо и очень четко. Он был удивительно эрудированный человек и всегда мог привести веские аргументы, в первую очередь, конечно, из Священного Писания, из писаний святых отцов, но и вообще из жизни. Поэтому его мнение было трудно оспорить. Обычно придирались к форме, в которую отец Дмитрий облакал свои высказывания, но никогда никто не мог придраться к содержанию, это всегда было наполнено глубоким смыслом и правдой.

Батюшка обличал неправду, потому что она резала ему душу, и, сталкиваясь с ней, он старался говорить о том, что детей убивают, что стариков обкрадывают, что ведется антисемейная, может быть, негласная политика, что школьная программа не образует, то есть не делает детей образованными и культурными, а, наоборот, развращает. Причем он не осуждал тех, кто, может быть, за этим стоял, но саму неправду никогда не принимал. И это имело эффект, давало людям силы тоже этому противостоять.

Очень и очень многие свидетельствовали о том, как отец Дмитрий повлиял на их жизнь, им помог. Это могло быть в личной беседе, через проповедь, через какое-то выступление. Некоторые никогда вживую с ним не встречались, но считали его духовным отцом и придерживались его советов, которые им удавалось получить в прямом эфире, пробившись через плотный поток звонков. Батюшка очень хорошо чувствовал каждого человека даже на расстоянии и отвечал иногда двумя-тремя словами, иногда встречным вопросом, который заставлял задуматься и самому найти ответ на свой вопрос.

Помню, однажды его спросили: «Откуда взялся змей в раю?» Батюшка, не задумываясь ни секунды, сказал: «Как откуда?! Из московского зоопарка приполз».

И когда человек слышал такой ответ, наверное, он думал: «А почему батюшка так ответил?» Вот так потихоньку-потихоньку он наталкивал человека на поиск ответа, потому что, если он сам будет искать и найдет, тогда точно его запомнит.

У отца Дмитрия была удивительная способность не навязывать своего мнения, он если и говорил человеку, то так, чтобы тот мог выбрать сам. Он всегда предлагал, и, как правило, это было в самую точку. Он даже проповеди свои стоил так, что многие, выходя из храма, говорили: «Хотела подойти к батюшке, а уже незачем, он уже на все ответил».

Даже если батюшка говорил жестко, этим он старался привлечь внимание к теме. Не к себе — ему меньше всего хотелось быть в центре каких-то скандалов, — а именно к теме, потому что, когда разговор течет как ручеек, люди засыпают, а когда такой всплеск, начинают прислушиваться и вдумываться. Отец Дмитрий никогда не боролся с людьми, он боролся с грехом, который их поработил. Он видел пороки, которые, как паутина,

связали человека по рукам и ногам, и пытался дать ему свободу, распутать эти узлы. Но бывают веревки, которые уже вросли в тело, их так легко не разорвешь, надо разрубать. А как это сделать, не задев самого человека?

Люди обычно бывают довольны своей жизнью, а то, что она не христианская, об этом как-то не задумываются. И когда отец Дмитрий об этом говорил, многие возмущались, пытались даже мстить, посылали всякие кляузы, жалобы, и ему приходилось писать объяснительные записки, но все равно он оставался таким, какой он есть.

Сам он с удивительным смирением воспринимал всю ту критику и иногда просто грязь, которую на него выливали, и был очень-очень милосерден ко всем этим людям. Кто-то, не помню, как его звали, постоянно его поливал грязью в «Московском комсомольце», а он с любовью о нем отзывался, никогда не ругал, не критиковал. Ему говоришь: «Батюшка, опять вас прописали». — «Да я читал. Ну что ж, бывают у человека разные мысли...» Совершенно беззлобно, ничего такого в ответ не скажет, всегда доброжелательность, смирение, умение прощать.

Во время передач я бывал не согласен с ответами отца Дмитрия, но думал, что, скорее всего, чего-то недопонимаю, не знаю или не вижу. И со временем убеждался в его правоте и был рад, что не вступил с ним в какую-то полемику. Хотя иногда батюшка немножко уклонялся от темы, и я, так сказать, его возвращал, старался напомнить, о чем идет речь, потому что некоторые вопросы мне казались важными и хотелось, чтобы он раскрыл их поподробнее, пошире.

Вообще за эти годы я получил ответы на все свои вопросы, потому что имел возможность спросить то, что меня интересует, иногда и по нескольку раз, как бы с разных сторон. И батюшка всегда находил удивительный ответ. Можно сказать, это был мой университет, причем студент, если он чего-то не понял, должен бегать за профессором, чтобы спросить, а у меня профессор всегда был рядом, и какой!

Отец Дмитрий часто смотрел на вещи нестандартно, предлагал такие решения, которые никому в голову не приходили. Он зажигал в людях и желание потрудиться, и уверенность в том, что можно реализовать самые смелые проекты. Наш приход — свидетельство того, как батюшка умел не бояться трудностей и, опираясь на Бога, привлекая людей творческих, умных, желающих работать, достигал таких результатов, создавал такую красоту. То, что ему было Богом дано, и очень щедро, он старался раздавать всем, кто был в его окружении.

Сам он вырос в бараке, видел все мерзости безбожной советской жизни и, когда у него появился свой приход, задумал создать что-то ей противоположное. Он хотел, чтобы в приходе были и детский сад, и школа, и молодежные ор-

ганизации и там был бы не формальный подход, чтобы развить в детях творческий потенциал, раскрыть его. Один из последних его проектов — это сад на территории Благовещенского храма. Он возник на месте пустыря, и теперь люди со всей Москвы приезжают на него посмотреть. Летом он просто прекрасен, батюшка его называл «наш Версаль».

Отец Дмитрий не играл какую-то роль: доброго дяденьки или щедрого мецената, он был очень естественным. И его проповеди отличались естественной простотой. Если он что-то забывал, то мог сказать: «Ой, простите, я забыл». Не стеснялся, не смущался.

Он не думал о себе, очень скромно одевался, ездил на автомобилях, которые ему дарили, неважно, новые они были или нет. Это все у него было на втором плане. Иногда приходилось его уговаривать: «Батюшка, у вас дырка на рясе, давайте мы вам новую сошьем». Он говорил: «Зачем? Поставь заплатку, и хорошо». Вот такая нестяжательность. Зато он очень радел о том, чтобы ближнему было хорошо. Когда он организовывал свои детские дома, то старался, чтобы у детей было не только где по-

есть и поспать, а еще и помещения для учебы, для занятий спортом, чтобы дети обязательно ездили на экскурсии, чтобы у них был летний отдых. Обо всем этом он пекся, это была его жизнь.

Один детский дом батюшка создал за городом, другой в Москве — сумел добиться, чтобы городские власти передали здание бывшего детского сада. Это было хождение по мукам: на такие помещения кладут глаз всякие предприниматели, потому что там можно устроить офис или еще что-то, что приносило бы деньги. Но отец Дмитрий не отступился, и у него получилось. Он подобрал персонал, обучил, определил принципы воспитания, собрал детишек, которые оказались без родителей или были им не нужны, и постарался дать им семью. Детские дома были созданы по семейному принципу, а когда появлялись желающие взять ребеночка, батюшка способствовал этому.

Батюшка был духовным окормителем этих детских домов и очень часто посещал их. В московском, несмотря на свою занятость, он бывал несколько раз в неделю, чтобы пообщаться с педагогами и с детьми. Дети его очень любили. Когда он приезжал, сразу его облепляли со всех сторон, забирались к нему на колени. Он обладал удивительно притягательной силой и для взрослых, и для детей. Вот сидит в храме исповедует, а какой-нибудь малыш стоит и неотрывно смотрит на него, и он сажает его на колени и продолжает исповедь.

Когда отец Дмитрий оставил пост председателя Синодального военного отдела, то попросил Патриарха дать ему возможность заниматься проблемами семьи, и Патриарх благословил организовать комиссию по вопросам семьи и детства. Этой темой батюшка начал заниматься очень давно, можно сказать, с самого начала это было одним из ключевых направлений его деятельности. Он поставил своей целью борьбу с абортами, организовал центр «Жизнь», и невозможно посчитать, сколько спас детей, которые могли быть убиты.

Иногда женщина, которую врачи напугали патологией плода, собиралась делать аборт, а отец Дмитрий убеждал ее подождать, и нередко врачи ошибались, рождался совершенно здоровый ребенок. Но даже если рождался ребеночек с патологией, отец Дмитрий такую женщину никогда не оставлял, был надежной опорой, оказывал и помощь, и поддержку. И конечно, его молитвенное участие очень помогало.

Батюшка был большой щедрости человек, очень и очень многим благотворил и из собственных средств, а если требовалась серьезная помощь, то из церковных денег уделял то, что было посильно. Использовал и свой административный ресурс. Некоторые многодетные семьи благодаря его заступничеству по-

лучили жилье, в котором им отказывали, хотя они имели на это право. Все его добрые дела перечислить невозможно, каждый его день с утра до позднего вечера был наполнен делами ради Христа. Иногда думалось, ну сколько в этом человеке энергии, сил, неиссякаемой доброты.

Батюшка учил ничего не бояться, только Бога и греха. Он часто повторял в проповедях, что не может быть воином Христовым тот, кто боится каких-то трудностей, неприятностей. Сам отец Дмитрий смело встречал любые трудности и их побеждал — не своими человеческими силами, а верой во Христа, молитвой. Мог посетовать: «Тяжело», но никогда не унывал, на его лице не было даже тени огорчения или отчаяния, всегда уравновешен, спокоен, с твердым упованием на то, что Бог поможет. Бывали ситуации, он сам об этом рассказывал, что тупик, выхода нет. Но «Господи, помоги!» — и все решается, находят люди, которые помогают, находят необходимые средства.

У него был удивительный талант одним своим присутствием разрядить обстановку. Вот он пришел, и все преображается, как будто из-за тучи солнце вышло. Может быть, что-то скажет или просто молча пройдет, а уже у всех совсем другое настроение.

Отец Дмитрий говорил: «Христианство — это умная вера, она не может быть слепой, она должна быть осмысленной, у человека должен быть ответ на вопрос, зачем я это делаю». И сам он жил по такому принципу. Если он что-то делал, всегда можно было спросить зачем, и он бы тут же ответил. Из многообразия всего, что наполняет нашу жизнь, он пытался вычленивать, что есть христианство, а что к нему никакого отношения не имеет или противоположно ему. В его деятельности был глубокий смысл, направленность к Богу.

Батюшка был для меня и учителем, и духовным отцом, да и просто отцом. Он сделал для меня больше, чем родители, которые меня любили. Папа уже умер, мама жива, у нас с ней замечательные отношения, но то, что сделал отец Дмитрий, превосходит многократно то, что они мне дали. Он родил меня для новой жизни — жизни духовной, церковной. Он дал мне понимание того прекрасного, что есть в Церкви, и я ему безмерно благодарен.

Отец Дмитрий имел при жизни великое дерзновение перед Господом, многие свидетельствуют о силе его молитвы, ну а теперь, я думаю, это дерзновение многократно усилилось. По благодатной помощи, которую мы получаем, мы можем надеяться, что наш батюшка достиг того, к чему стремился всю свою жизнь, и теперь он рядом с Тем, Кого любил всей душой. Я в этом не сомневаюсь.

НАДЕЖДА ИСААКОВНА КАНТОР

Писать об отце Дмитрие невозможно, масштаб его личности не укладывается в моем сознании. Но, с другой стороны, писать о нем легко. Батюшка умел быть всем для всех, и воспоминания помогают хоть как-то оживить золотые ушедшие дни общения с ним.

Из уважения и любви к памяти батюшки постараюсь ничего не прибавлять от себя, но заранее прошу меня простить, потому что воспоминания — это не исторический документ, а описание событий через призму личного восприятия.

КАК МЫ С СЕСТРОЙ ПРИШЛИ К БОГУ. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С БАТЮШКОЙ

Моя сестра Ира, блестяще окончившая школу и биофак МГУ, постоянно задавалась вопросом о смысле своей жизни. А ее друг Миша уже нашел ответ на этот вопрос и со своим одноклассником Толей Фроловым, будущим архиепископом Алексием, пошел по пути поиска Бога. Может быть, это произошло по молитвам его деда, священномученика Николая Пробатова. Однажды Миша повез Иру к известному тогда священнику Дмитрию Дудко. Ответ был найден. Отец Дмитрий тайно крестил сестру (70-е годы!), позже повенчал ее со своим прихожанином Виктором Кудриным и тоже тайно, на дому, крестил их четверых детей. Так возникла православная многодетная семья. Но я была тогда обычным советским человеком, и сестра, чтобы избежать насмешек, держала свою религиозную жизнь в тайне от меня.

В советское время многодетные семьи обеспечивались жильем без особой очереди. В 1984 году Ира получила несколько смотровых ордеров и вместе с мужем поехала по указанным в них адресам. А я осталась с племянниками, на правах старшей сестры посоветовав брать квартиру только с балконом, куда можно поставить детскую коляску.

Был уже поздний вечер, дети давно спали, а они все не возвращались и не звонили (мобильных телефонов тогда не было и в помине). Наконец появились. Спрашиваю: «Выбрали?» — «Выбрали». — «С балконом, конечно?» Вместо объяснений Ира шлепнула на стол кусок мяса, еще какие-то продукты и сказала: «Зато там снабжение хорошее» (по тем временам — аргумент). Витя вторил: «И хлеб мягкий!» И я поняла, что квартиру они взяли без балкона и где-то на краю земли, хотя жили почти в самом центре.

Спустя много лет, когда со мной можно было говорить на человеческом языке, а не только про «хорошее снабжение», я узнала, что, осмотрев квартиру и, конечно, решив, что она им не подходит, они собрались уезжать, но заметили вдалеке блестящий на куполе церкви крест. Это было большой редкостью в те времена, и им захотелось посмотреть, что это за храм. Неужели действующий?

В храме было много народу, шла служба, молодой священник говорил проповедь, все слушали затаив дыхание. И Ира с Виктором поняли, что будут жить только здесь, в Бибирево, и ходить в Крестовоздвиженский храм к отцу Дмитрию Смирнову, тогда еще простому иерею, к которому съезжались люди с разных концов Москвы. Надо сказать, что незадолго до этого Виктор искал серьезного священника, у которого можно было бы исповедоваться, и ему назвали трех батюшек. И вот один из них стоял перед ними!

Отец Дмитрий, особо выделявший многодетные семьи, встретил новых прихожан очень приветливо и внимательно, постоянно о них заботился. Это были для них чудесные годы.

Впервые я услышала о батюшке, когда у сестры опять встал квартирный вопрос. Витя увидел объявление, в котором предлагалось обменять квартиру в Бибирево на Арбат. Обмен был с большой потерей площади для их многодетной семьи, но они заявили, что будут меняться, потому что «отец Дмитрий благословил». Я была возмущена: кто такой этот отец Дмитрий, что распоряжается жизнью целой семьи?!

Обмен состоялся. Больной папа, переехавший поближе к Ире в Бибирево, остался там один. Но впоследствии эта квартира в центре Москвы, которую они сдавали, долгие годы кормила всю Ирину семью.

Прошло еще несколько лет, и в 1988 году настала моя очередь познакомиться с отцом Дмитрием. В моей семье возникли серьезные проблемы, и я в отчаянии попросила Иру отвести меня к ее «попу». Хотя заочно я не очень хорошо к нему относилась, но другого священника не знала.

Помню, что вместо строгого, благообразного, седобородого старца я увидела молодого человека (батюшке было 37 лет) с веселыми, смеющимися глазами и была разочарована. Ну чем он может мне помочь? После нашей беседы Ира спросила: «Ну как?!» — а я пожалала плечами: «Молодой какой-то... Я плачу, а он смеется!» Ирины слова, что батюшка не смеется, а радуется, что еще одна душа к Богу обратилась, были мне непонятны, но все, что отец Дмитрий мне тогда сказал, я помню дословно до сих пор, и это мне не раз очень пригодилось.

Удивительно, но сразу после разговора с батюшкой мои проблемы начали разрешаться, а вскоре Ира попросила помочь ей с детьми на даче. Своей веры они уже от меня не скрывали. Я даже стала ходить с ними в церковь, читать Евангелие и дала обет, что если у меня все закончится благополучно, то покрещусь сама и покрещу дочку.

Наконец у меня все наладилось. Надо было выполнять обет, но я решила: сначала поговорю со священником и когда-нибудь потом покрещусь. Перед всеобщей под Покров Ира привезла меня к отцу Дмитрию. Он приветливо спросил: «Вы можете подождать? Сейчас отпевание будет». «Послушай, очень красивая служба», — сказала Ира.

Батюшка в белом облачении совершил отпевание, а потом отвел меня к клиросу. Там в углу висела черная стеганая ряса. Он подвинул мне стул, начал задавать вопросы, я отвечала. Видимо, жизнь с Ириной семьей дала результаты, потому что он вдруг сказал: «Пальто можно повесить на этот гвоздик, где ряса». Я в недоумении спросила: «Зачем?» — «А вы в пальто будете креститься?» — «Я не готова, у меня нет крестика!» Батюшка позвал свечницу: «Принеси нам крестик!..» Улыбнулся: «Вот и крестик мы вам подарим!» Я не сдавалась: «У меня нет крестной матери!» — «Ира будет вашей крестной». — «А она ушла!» — «Придет!» И правда, появилась Ира: она во дворе помогала таскать кирпичи.

Тут я вспомнила, что мне надо во вторую смену на работу. Батюшка спросил: «Как зовут вашу сменщицу?» — «Зоя Николаевна». — «Позвоните и скажите: «Зоя, поработай сегодня за меня, а я отработаю». Телефон в сторожке, идите позвоните». Я послушно пошла в сторожку, по дороге пытаюсь вспомнить телефонный номер, которым практически не пользовалась. Чудом вспомнила, договорилась.

Батюшка покрестил меня и еще несколько человек (тогда крестили обливанием за ширмой) и, взяв меня за руку, хотя я стояла последней, трижды обвел всех вокруг с пением «Елицы...». Потом я стояла в притворе и ждала, когда высохнут волосы, а его уже окружили люди, и он на ходу с ними разговаривал. Проходя мимо меня, улыбнулся и сказал: «Поздравляю с днем рождения в новую, христианскую жизнь!» (Интересно, что я крестилась в день рождения мамы, ей было бы как раз 70 лет.)

Кто-то остановил отца Дмитрия и стал показывать журнал «Юность», возмущаясь неприличным рисунком. Батюшка посмотрел и что-то сказал. Не помню, что именно, зато помню, как все вытянули шеи, ожидая, что он сейчас покажет этот рисунок,

но он закрыл журнал и отдал владельцу. Меня поразило его стремление хранить наше зрение от всякой нечистоты.

Не думаю, что после рассказа о моем крещении у кого-нибудь сложится мнение, что отец Дмитрий крестил всех подряд, без разбора, но все же приведу эпизод, оставшийся в моей памяти. Это было уже в храме Митрофана Воронежского. К батюшке подошла женщина со взрослой дочерью и попросила ее покрестить. Сначала она говорила тихо, а потом перешла на повышенные тона — видимо, батюшка ей отказал. Отец Дмитрий тоже заговорил громко, что было слышно стоявшим поблизости (он иногда так делал из педагогических соображений), спросил, понимает ли она суть Крещения, и, осенив себя крестным знамением, сказал: «Вот я, например, крещен во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Чтобы это понимать, надо хотя бы немного об этом узнать». Но женщина ничего не желала слушать и настаивала на своем, тогда батюшка сказал, что пожалуйте, она может пойти в другой храм и за 50 рублей их тут же покрестят, а здесь нельзя. Та громко заявила, что будет жаловаться епископу, а он ответил: «Да хоть самому Патриарху! Но без подготовки нельзя». Это было задолго до того, как официально ввели обязательные огласительные беседы перед Таинством Крещения. Батюшка во всем был первопроходцем.

Через месяц отец Дмитрий покрестил и мою дочку, потом сказал, чтобы мы не уходили, ушел и вернулся с тонкой книжкой, аккуратно обернутой в прозрачную кальку и с надписью «Машеньке от меня». Это была «Детская Библия» с яркими иллюстрациями.

Батюшку опять окружили люди, началась беседа. Его спросили, есть ли у него враги и как же это возможно за них молиться. Он повернулся к иконе, перекрестился и сказал: «Господи, дай здоровье этому человеку и благополучие его семье и его деткам». Зашел разговор о возможных гонениях и о том, как сохранить веру, и батюшка сказал, что от веры в Бога он никогда не отречется. Правда, насчет мучений сказал, что не знает, потому что такого опыта у него нет.

Эти самые первые и незабываемые впечатления навсегда изменили мое отношение к отцу Дмитрию.

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ ХРАМ В АЛТУФЬЕВО

Но все-таки навсегда я пришла к отцу Дмитрию не сразу, а побродила по разным храмам поближе к дому (в Москве тогда был небольшой выбор, около пяти десятков действующих храмов) и поняла, что мне нужно туда, в Алтуфьево.

Приехала опять к отцу Дмитрию, говорю: «У вас лучше». Он усмехнулся: «На безрыбье и рак рыба, да?» А потом серьезно добавил, что мне надо не пропускать ни одного воскресенья и приходиться к началу службы. А однажды сказал: «Человек приходит к Богу, когда за него кто-то сильно молится. Может быть, Ирины маленькие детки за тебя молились? Каждый помолится — вот уже четыре молитвенника».

Дорога до храма занимала два часа, и в воскресенье приходилось вставать в полпятого утра. Батюшка тогда был вторым священником и обычно либо служил, либо помогал на ранней литургии. Конечно, все стремились попасть на исповедь к нему. Если он служил, то исповедовал только до Херувимской, а потом уходил в алтарь и вместо него на исповедь выходил другой священник. Однажды Ира опоздала, попала на исповедь к этому священнику и потом сказала, что прониклась к нему уважением за то, что он называл отца Дмитрия духовным батюшкой.

...Раннее утро, на улице ни души, с темного неба падают снежинки. Мы с дочкой садимся в первый, совершенно пустой поезд метро. На следующей станции в вагон входит женщи-

на с девочкой. Других пассажиров нет, воскресенье, все нормальные люди спят. На третий раз мы с ней познакомились. Ну, конечно, они тоже через всю Москву едут в Крестовоздвиженский храм.

Пришло Рождество. Служба ночная, непонятная, народу много, ничего не видно... И вдруг голос отца Дмитрия: «Ну вот, деточки, полкруга мы вокруг елки прошли. Пойдем дальше!» Все ожили, стало легко и как-то даже весело участвовать в этом замечательном богослужении вместе с батюшкой.

ПЕРВАЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

В 1989 году отец Дмитрий открыл воскресную школу, тайную, на квартире у дочери Елены Александровны Рудченко. Эту новость передавали друг другу на ушко, шепотом. В школу записали пятнадцать детей и их родителей, больше квартира просто не вмещала. Мне повезло, благодаря сестре «по блату» записали и нас с дочкой.

Батюшка говорил, что нам-то ничего особо не грозит, но его за создание воскресной школы могут привлечь к уголовной ответственности. Поэтому, чтобы не привлекать внимания жильцов, надо было по отдельности, с интервалом, приходиться и так же уходить. Кто, кроме отца Дмитрия, стал бы так рисковать? Сейчас трудно это представить, но он был не только основателем, но и единственным преподавателем этой первой (может быть, даже во всей Москве) воскресной школы.

Перед занятиями на стене вместо школьной доски закрепляли листы ватмана, один на другой. Рядом на пианино ставили разноцветные маркеры, которыми батюшка писал и рисовал. Заполненный лист снимали, и под ним открывался чистый.

Пока батюшки не было, под руководством Елены Анатольевны и Татьяны Павловны рождался детский хор, дети разучивали тропари, Херувимскую песнь. И вот наконец на всех лицах появлялись оживление и радость. Из коридора доносился долгожданный голос! Отец Дмитрий пришел! И начинался урок, на котором батюшка рассказывал о Божественной литургии.

Все, что он делал, всегда было захватывающе интересно, красиво и весело. Даже то, как он брал в руку маркер, рисовал, например, схему ектеньи и потом почти не глядя мягким, точным движением ставил его на место, никогда не задевая остальные и не прерывая рассказа. Именно ставил, а не клал, чтобы маркеры не раскатились.

Запомнилось пояснение к третьему прошению великой (мирной) ектеньи — «О мире всего мира». Отец Дмитрий сказал, что это просьба о том, чтобы все люди сподобились высшего, невидимого мира, пришли к Богу, а совсем не то, что мы привыкли видеть на антивоенных плакатах с призывами «Миру — мир» и с изображением голубя мира.

В конце занятия он хотел проверить, как дети поняли непустой смысл этого прошения. Вижу, моя дочка тянет руку. Батюшка спросил ее, и она сказала: «Здесь мы просим о мире во всем мире, чтобы не было войны». Я в ужасе схватилась за голову: что она говорит?! Но с облегчением услышала, что отец Дмитрий принял ее ответ, сказал: «Да» и каким-то образом вывел из него нужный смысл прошения. Он умел, когда надо, поддержать человека и вместе с ним прийти к истине.

Через несколько месяцев батюшка сообщил, что произошло эпохальное событие огромной важности: отец настоятель благословил нашу воскресную школу! Мы вышли «из подполья». Желающих учиться было множество, и отец Дмитрий стал проводить занятия в храме, по-прежнему один. Народу собиралось столько, что опоздавшие просто не могли войти. То же самое бывало и на богослужениях с его участием.

Однажды я задержалась после ранней литургии, и в храме начали собираться бабушки к поздней литургии. Их было не очень много, и это были совсем другие прихожане. Все было другое, как-то пусто и неуютно.

Навсегда сохранились в памяти вечерние исповеди. После всенощной к отцу Дмитрию выстраивалась длинная очередь. В храме полумрак и тишина, только слышен шелест листьев за окнами, иногда тихий шепот исповедников и негромкое чтение молитвенного правила. Да еще стук собственного сердца, когда подходит твоя очередь. Однажды Лариса Аркадьевна Улитина с искренним недоумением и благодарностью сказала: «Как же батюшка нас терпит и даже помнит по именам?»

Говорили, что у батюшки были неприятности с властями. От него требовали прекратить эти «сборища людей» и проводить короткую общую исповедь, как в других храмах. Но его это не могло поколебать, и исповеди никогда не прекращались, до самого последнего дня его служения Богу и людям...

ХРАМ МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКОГО. ВОССТАНОВЛЕНИЕ

В январе 1990 года батюшка сообщил нам, что его назначили настоятелем храма святителя Митрофана Воронежского на 2-й Хуторской улице, и рассказал, как искал и не мог его найти, настолько он был изуродован за годы советской власти.

Некогда Леонид Сидоров, живший недалеко от этого храма и хорошо знавший его прежнего настоятеля, священномученика Владимира Медведюка, писал:

*Алтарь опутан паутиной,
Светильник чудный не горит,
И вход закрыт холодной льдиной,
И хор хвалебный не звучит.*

*Не слышно радостного лика,
И не курится фимиам.
Приди, Утешитель, Владыка,
Вернись в Свой малый, бедный храм.*

*Пророков древних вдохновлявший,
Певцу настроивший псалтирь,
Приди, вернись в Свой храм упавший,
В Свой позабытый монастырь!*

И теперь нам предстояло этот храм возродить, потому что само собой разумелось: мы пойдем за батюшкой туда, куда его назначили.

В будни кто мог приезжали расчищать вход, сбивать старую штукатурку со стен, выносить мусор и так далее. Впервые я вошла в храм так же, как все, со стороны двора, не подозревая, что вхожу в алтарь. Посреди пустого, темного, обшарпанного помещения стоял отец Дмитрий и что-то активно обсуждал. Улыбаясь, он благословил меня трудиться. Мне показали, как сбивать штукатурку, и лишь гораздо позже я поняла, что работала там, где должен стоять жертвенник. В другой раз я привезла деревянную лопатку и мне поручили сбивать со ступеней лед, который не давал открыться входным дверям. Когда лопатка начала рассыпаться в щепки, кто-то дал мне топор, и работа закипела. Двери в храм впервые за десятилетия открылись! Так под руководством батюшки постепенно все вставало с головы на ноги.

Людмила Мурзина, Нина Соломатина и другие ходили по соседним домам, рассказывали про храм, собирали деньги на ремонт. С тех пор многие из живущих поблизости стали нашими прихожанами. Так приход приобрел замечательного архитектора Сергея Яковлевича Кузнецова.

В те дни умерла моя тетья, любимая сестра папы. Я не знала, как его утешить, и батюшка обещал дать мне Канон мученику Уару. Он нашел его в старинном издании, отксерил и раздавал людям, ведь никакой литературы тогда не было. Я ждала батюшку у кельи и невольно услышала, как он, проходя мимо со своей мамой, сказал: «Мама, можешь дать мне десятку? А то я, как Хлестаков, поиздержался. Все в кружку кладу».

По воскресным дням мы по-прежнему собирались на богослужения в Крестовоздвиженском храме. Последняя служба, которая мне запомнилась, была в день рождения отца Дмитрия, 7 марта 1990 года. А уже 10-го состоялось малое освящение Митрофаниевского храма. На нем были друзья батюшки — отцы Владимир Воробьев и Аркадий Шатов, которые для нас всех с этого дня стали родными и любимыми. Помню, с какой радостью на этой первой литургии батюшка узнавал и приветствовал верных овец, последовавших за своим пастырем.

Теперь все богослужения совершались уже здесь, и приходившие помолиться жертвовали на ремонт. Одновременно со службой шли работы в храме и на территории. Но это не только не мешало, а, наоборот, вдохновляло на молитву.

Однажды после вечерней службы, не дождавшись автобуса, мы остановили такси. Шофер удивился, что на 2-й Хуторской идут службы. Оказалось, мальчишкой он ходил в спортивную школу, которую устроили в храме, потом там был какой-то склад, а потом и вообще все сгорело.

В воскресенье после службы в любую погоду мы оставались расчищать территорию. Нам даже выдавали фартуки и халаты, но их не хватало на всех. Мы становились в цепочки и передавали кирпичи. Нагружали носилки и выносили мусор с территории. Когда из храма ведрами были вынесены тонны земли и залили цементный пол, начался Великий пост с коленопреклонениями, и батюшка просил всех приносить коврики под ноги, чтобы не простыть.

Однажды, когда мы расчищали территорию, начался дождь, и постепенно наши ряды стали редеть. Со словами: «Бог в помощь. А наемники бегут!» — мимо нас пробежал к остановке наш подвижник Виктор Петрович Пришвин. Но мы с Ирой Гитлиной, запряженные в носилки, были так увлечены работой и обсуждением батюшкиной проповеди, что даже не заметили, как остались совершенно одни. Из храма вышел батюшка, направился к сторожке, но вдруг, сделав жест, как будто рвет на груди рубаху, на весь двор зашел: «Смелого пуля боится! Смелого штык не берет!»

Он всегда много шутил, его экспромты были неистощимы. Рассказывали, что однажды он с силой ударил себя кирпичом по голове, так что в каждой руке осталось по половине кирпича. Все ахнули. Оказалось, он заранее сложил эти половинки и только сделал вид, что разбил кирпич об голову.

Когда в гимназии служился молебен на начало церковного года, мы по очереди подходили к батюшке, и он кропил всех святой водой. Хор пел славословие, и в тот момент, когда к нему подошли Ирина Затуловская с моей сестрой Ирой, он громко зашел вместе с хором: «Слава в вышних Богу и на земле ирїни...» Сестра мне потом объяснила, что батюшка ничего не изменил в славословии, просто спел слово «мир» по-гречески — «ирїни».

В другой раз мы расчищали что-то вроде большой клетки, забитой всяким мусором. Увидев нас в этой клетке, батюшка пошутил: «О, а здесь у нас будет зоопарк!» А когда кто-то спросил, как привлечь в храм побольше людей, ответил: «Организуем боулинг, шампанское...» Однако ни зоопарка, ни шампанского не понадобилось. Молитвами и трудами батюшки грязный, заваленный непроходимым мусором двор превратился в тенистый садик с розами и декоративной клубникой, водопадом, золотыми рыбками и даже плавающими черепахами, который занял первое место в районном конкурсе на лучший двор. А храм Митрофана Воронежского просто перестал вмещать всех приходящих. Там, где трудился батюшка, всегда появлялся кусочек рая.

Пришла пора штукатурить, а потом расписывать стены. Привезли строительные леса и сложили во дворе. Мы начали переносить в храм металлические трубы для лесов. Увидев, что мы берем по многу, батюшка погрозил Нине Соломатиной: «Нинка, по одной поднимай!» А сам взял целую охапку и, как соломинки, понес чуть ли не бегом. Такая сила была у него в те годы. Когда мог, он всегда трудился со всеми наравне. Это приносило особенную радость.

Однажды после службы батюшка мне сказал: «Иди в сторожку». С нами пошли женщина с коляской и еще несколько человек. В сторожке, то есть в будущем доме причта, шла стройка. Мы поднялись на второй этаж, и батюшка спросил: «А где мама с коляской?» Говорим: «Осталась внизу, не может подняться». Он заглянул в железную трубу, которая, как на корабле, поднималась сюда снизу, и крикнул: «Свистать всех наверх!» Потом спустился, взял коляску с ребенком и поднял на второй этаж.

Меня он позвал, чтобы передать приличную сумму для Ириной многодетной семьи, которой всегда помогал. При всем этом он был строг с разгильдяями.

В тот день я услышала, как он распекал работника за лень (у меня аж колени затряслись), но не выгнал сразу, а дал испытательный срок для исправления.

Насколько мне известно, отец Дмитрий ни к кому, кроме Бога, не обращался за помощью: храм реставрировали собственными силами, и из молодых людей, начинавших работу в приходе сторожами или алтарниками, батюшка только на моей памяти воспитал девятнадцать замечательных, всеми любимых священников. Думаю, что на самом деле их еще больше. Помню, как будущие отцы участвовали в восстановительных работах: Владимира Леонова, пересекающего двор с ведрами цемента в руках, Алексея Талызова, укладывающего кирпичи на колокольне, самого первого нашего алтарника Максима Обухова, растирающего кирпич для росписи стен, и совсем молодого Федора Кречетова, через ступеньки спрыгивающего с солеи. А потом рукоположение отца Федора в Елоховском соборе на Казанскую, отца Владимира Леонова, впервые облаченного в рясу священника. Что-то происходило невидимо для нас, но благодать священства, почившая на них, была почти осязаема. Это чувствовали все.

Первое архиерейское богослужение в Митрофаниевском храме, совершенное, кажется, в день памяти святителя Митрофана, примечательно тем, что оно было в высшей, а точнее, в четвертой степени первым. Оно было первым для возрожденного храма, первым для настоятеля этого храма, первым для многих прихожан, и, что интересно, оно было первым для самого епископа Алексия (Фролова). Батюшка рассказал, что владыка был возведен в сан епископа буквально накануне, и призвал всех молитвенно поддержать его в начале архиерейского служения. А обращаясь к владыке, сказал, что помнит его еще со времен учебы в Духовной Академии, где для него самого и для многих студентов он был самым любимым преподавателем. Лекции его всегда были интересны, содержательны и наполнены юмором.

Позже владыка еще несколько раз возглавлял полноту богослужений в наших храмах.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

С апреля 1990 года занятия воскресной школы стали проходить в храме Митрофана Воронежского. У батюшки появились помощники, например, Татьяна Ивановна Рютова прекрасно занималась с детьми. Во дворе вовсю кипела работа, а мы затаив дыхание слушали рассказы отца Дмитрия об Аврааме и Сарре,

Исааке и Ревекке. Мест на скамьях не хватало, но можно было взгромоздиться на калорифер и, забыв обо всем, как бы ощутить круглый теплый бок верблюда, несущего тебя по пустыне. Так бы слушать и слушать...

Но не в характере отца Дмитрия было успокаиваться на достигнутом или трагить время на разгон. Он всегда ковал железо, пока горячо. Вскоре он договорился с директором соседней общеобразовательной школы, и занятия перенесли туда. А мы неожиданно для себя превратились из учеников в преподавателей. Выбирать было особо не из кого, поэтому среди них оказалась и я. Батюшкиным девизом было «Уча, учимся».

Я учила детей читать по церковнославянски и сама полюбила этот язык. А рисовать славянские буквы к занятиям для меня было просто наслаждением. Из-за отсутствия литературы учебным материалом мне служили краткие конспекты батюшкиных рассказов. Вот некоторые из них, они запомнились тем, что я их слышала только от него:

29.10.1989. Человек приходит в храм и там встречает священника. Маленькая дочка Маша, когда увидела священника, назвала его «Господь». Этот Господь, тот Господь. И это правильно. Это образ Христов. Даже внешне: одежда, борода, длинные волосы. Он говорит не от себя, а словами Евангелия.

12.11.1989. У христианина два Ангела: один дается по человечеству, при рождении, другой дается при крещении.

«Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы»... Ис-повемы, то есть поведаем из себя наше единомыслие, то есть веру.

Хор поет, Кого мы должны исповедовать — Источник Любви: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную». Любовь мы узнаем только от Святой Троицы. Между Отцом и Сыном и Святым Духом существует Любовь. Бог создал Святую Церковь, чтобы собрать нас в единый народ на основе Любви.

31.12.1989. Молитва — самое важное дело нашей жизни. Это беседа с Богом. Все дела надо оставлять ради молитвы. Она должна занимать самое главное место в жизни людей. Раньше все дела начинались с молитвы: служба в армии, поход за грибами... Надо организовать свою жизнь так, чтобы молитва занимала центральное место в ней. Молиться трудно, духовная лень, но это надо преодолевать.

25.02.1990. Человек создан по образу и подобию Божию. Бог Троичен, и человек тоже троичен — мужчина, женщина и дитя. Вместе они составляют полноту. Они разные, но дополняют друг друга.

Человек, созданный Богом, — прекрасный сосуд. Этот сосуд упал и разбился. Церковь из осколков восстанавливает в человеке подобие Божие.

4.03.1990. Каждый человек, убивший другого человека, проклят, как Каин, и всегда заплатит за это, потому что голос крови вопиет об отмщении. Любой другой грех можно загладить. Грех нашего народа — убийство детей. Поэтому земля не приносит плодов и люди переезжают с места на место. Бог наказывает народ русский, но основная масса этого не понимает.

28.11.1991. Почему Господь из всех больных исцелил именно тещу Петра? Потому что она встала и стала служить Ему. Обычно все меньше всего думают об этом, моля об исцелении.

1990 г. Что такое число 666? Это золото, деньги! Помните, царю Соломону каждый год привозили 666 талантов золота? Вот в последние дни главным соблазном будет (и уже есть) золото, деньги, которые заменят людям Бога.

А однажды батюшка сказал, что радость, которая его переполняет, переливается через край и он готов ею делиться со всеми. Все остальное в мире, то, что люди считают радостью, — это суррогаты. И еще, отвечая на какой-то вопрос, сказал, что он не прорицатель и не оракул и единственное, что у него есть, — это Евангелие. Там все написано.

Первое собрание преподавателей воскресной школы было после службы. Мы, несколько человек, собрались в келье батюшки, и он разъяснял нам принципы работы, советовался, задавал вопросы, выслушивал мнение каждого по очереди, а потом принимал решение. Нас чем-то угостили, а батюшке принесли ужин: кто-то пожертвовал. Батюшка спросил, кто, и заметил: «В стране начался голод...» (был 1990 год, в магазинах пустые полки, очереди, карточки). Он любил повторять, что попы на Руси никогда не голодали — народ кормил. Кроме, конечно, времен советской власти.

У ИСТОКОВ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1990 году в Центральном доме культуры железнодорожников мне посчастливилось прослушать цикл выступлений под названием, кажется, «О духовной жизни». Это были совершенно незабываемые дни. Огромный зал был заполнен до отказа, стояли в проходах между рядами. Выступления начинались лекцией, посвященной вопросам православной веры, а потом шли ответы на вопросы. Стол на сцене был завален записками.

Отец Дмитрий отвечал, как всегда, осторожно, быстро и точно реагировал на суть вопроса. Запомнилась записка совсем не по теме. Недалеко от храма Митрофана Воронежского только что открыли станцию метро «Дмитровская», и батюшку спросили, названа ли она в его честь. Он тут же сказал, что если бы ее назвали в честь отца Дмитрия, то она была бы «Николаевская». Зал ответил хохотом.

На одном из этих собраний отец Владимир Воробьев предложил организовать Катехизаторские курсы. Желающие могли записаться на них прямо в зале, а вступительные экзамены проходили в храме царевича Димитрия при 1-й Градской больнице, настоятелем которого недавно стал отец Аркадий Шатов. Под ободряющим взглядом батюшки я кое-как сдала экзамен отцу Владимиру и стала посещать курсы.

Лекции в ЦДКЖ прекратились, потому что все ведущие московские священники — Владимир Воробьев, Аркадий Шатов, Глеб Каледа, Александр Салтыков, Валентин Асмус, Максим Козлов, Николай Соколов — стали преподавать на этих курсах. Отец Дмитрий вел семинары по Евангелию.

Занятия проходили иногда в храме царевича Димитрия, вернее, в конференц-зале 1-й Градской больницы (причем отец Аркадий перед этим обильно окроплял помещение святой водой), а иногда в МИСИ. Ездить туда было довольно далеко. Обычно мы возвращались небольшой группкой по Маросейке, было поздно, и только в одном доме всегда ярко светились окна: там шел ремонт. Так я впервые увидела храм Николы в Кленниках и услышала об отце Алексие Мечеве. Книг о нем тогда еще, конечно, не было. Все передавалось устно.

Потом отец Дмитрий стал проводить семинары в школе недалеко от Митрофаньевского храма. Большинство их участников затем составили костяк прихода, возглавили разные его подразделения. Мы изучали Библию, а купить ее было невозможно. Дома была огромная Библия, которая досталась нам от одной деревенской бабушки, и я возила эту тяжеленную музейную Книгу на занятия. Потом мне подсказали: попроси у батюшки. Я набралась смелости, и он подарил мне небольшую Библию, изданную на тонкой бумаге в зеленом коленкоровом переплете. Она по сей день со мной. (Но доучиться на курсах мне не пришлось, батюшка назначил меня учителем начальных классов гимназии.)

В то время никаких религиозных книг еще не выпускалось, Евангелие днем с огнем нельзя было найти. Однажды мы с сестрой решили подарить папе на день рождения Евангелие. Кто-то сказал, что его можно купить в одном храме, но там его не оказалось. Нам посоветовали ехать в загородный храм, но и у них было только четыре Евангелия, которые уже раскупили. Такой была ситуация с религиозной литературой на закате советской власти. А люди жаждали духовных знаний.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХРАМОВ В НАЧАЛЕ 90-Х.
БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ХРАМ

Начало 90-х, время духовной весны. Возвращались и восстанавливались храмы, отобранные у Церкви советской властью. Один из них, в Троицке, был передан в пасхальные дни, и мы всем приходом поехали на его освящение. Стояла ранняя весна. Три километра надо было идти вдоль леса, покрытого молодой зеленью. Настроение было пасхальное. Нас догнал батюшка на машине и посадил к себе всех, кто поместился. Потом приходской автобус подобрал остальных, хотя нам и так хорошо шагалось с пением «Христос воскрес из мертвых!».

Храм представлял собой четыре стены, ни крыши, ни пола не было. На алтарной стене повесили икону, и из народа раздался женский голос: «Митя, Митя, икона криво висит!» Батюшка подошел и поправил. Во время освящения воды он со словами: «О еже ниспослати Господу Богу благословение Иорданово и освятити воды сия» налил в сосуд с освящаемой водой воду из Иордана. Потом было незабываемое освящение храма с пасхальными песнопениями и крестным ходом.

Еще мы вместе с отцом Дмитрием ездили совершать молебны о возвращении храма, в котором разместился Станколит, и расчищали переданный Церкви храм Георгия Победоносца в Лучникове переулке.

Величественный двухэтажный Благовещенский храм, расположенный в Петровском парке, тогда занимала Академия Жуковского. Проходя мимо него в наш всегда переполненный Митрофаниевский храм, мы шутили, что этот большой храм был бы как раз под стать отцу Дмитрию.

Мы привыкли видеть полуразрушенные храмы, в которых, казалось, навечно поселились какие-то конторы, и эти мечты воспринимались только как шутка. Но в 1991 году батюшка призвал всех послать телеграммы вновь назначенному министру обороны Е. Шапошникову. Можно было взять за образец готовый текст или составить свой, а за ящиком даже предлагали деньги на посылку телеграммы (думаю, никто этим не воспользовался). Прихожане поздравляли министра с назначением и просили отметить его добрым поступком — передачей храма в Петровском парке законному владельцу, Православной Церкви. Было отправлено несколько сотен телеграмм, если не ошибаюсь, шестьсот, и через две недели храм, полностью освобожденный от склада с овощами, мясными продуктами и всякими железками и красками, под звуки военного оркестра торжественно передали Церкви!

Мне посчастливилось принять участие в освобождении его от склада. Как-то после уроков мы шли на всенощную и по дороге решили завернуть к Благовещенскому храму, посмотреть, что там вообще делается. Вдруг слышим молодецкий свист. Оглядываемся, а это отец Дмитрий нас приветствует! Он тоже туда шел.

В церковном дворе вовсю кипела работа! Работали подъемные краны, бегали солдатики, сновали грузовики: одни уезжали нагруженные, другие въезжали в ворота за новым грузом. Мы тоже не остались без дела! Нам дали металлические ножи, и мы отскребали с пола многолетние натски из холодильников.

Надо сказать, что после занятий в школе у меня сильно болела голова. Я даже подумала, что вот скребу изо всех сил, наклонившись к полу, а потом еще на службе стоять несколько часов — да от меня ничего не останется! Но произошло чу-

до. Когда я потом шла на всенощную, то чувствовала себя так, как будто очень хорошо отдохнула на свежем воздухе.

В правом приделе, в котором мне посчастливилось потрудиться, на месте алтаря стояла крашеная масляной краской перегородка с окошком для кладовщика. Место кладовщика было в алтаре. Когда алтарь устроили заново, отец Дмитрий хотел освятить его в честь Патриарха Тихона, но оказалось, что раньше он был освящен в честь святых Ксенофонта и Марии и чад их Иоанна и Аркадия. Их житие произвело на батюшку такое сильное впечатление, что он решил оставить все, как было раньше.

Первое время арки красавца храма еще были заделаны кирпичом, на стульях перед алтарем стояли две иконы — Господа и Божией Матери, но службы уже шли. Началась борьба за храмовую территорию. Опять пошли в ход телеграммы, но уже с совсем другим текстом: «Мы просили год, а теперь требуем!..» Дом причта очень неохотно освободили, но все-таки освободили, сотрудники мили-

ции. С трудом, но избавились и от яркой пивнушки рядом с храмом, которая была известна всем болельщикам со стадиона «Динамо».

Прошло несколько лет, и храм Благовещения Пресвятой Богородицы предстал в своей первозданной красоте, даже стал еще лучше. Вот только колонны внизу все время подгнивали, потому что на складе хранилось какое-то разъедающее вещество, от которого никак невозможно было избавиться. Зато хорошо сохранился плиточный пол центрального придела, по которому ступали ноги святого Патриарха Тихона. И возрожденный храм, и разбитый вокруг него прекрасный парк — это рукотворный памятник отцу Дмитрию.

СЕСТРИЧЕСТВО

Летом 1990 года отец Дмитрий после службы попросил всех помочь в уходе за больными прихожанами, потому что многие ушли в отпуска и волонтеров не хватало. Когда батюшка о чем-то просил, отказаться просто не приходило в голову. Я стала ходить к Вадику Лесничему, у которого был детский церебральный паралич, а потом шесть лет ходила к Александре Васильевне Усачевой. Батюшка приезжал ее причащать.

А в 1991 году было создано Сестричество во имя преподобномученицы Елисаветы. Сестры во главе с Татьяной Вениаминовной Платоновой успешно подвизались в самом тяжелом, неврологическом отделении 50-й больницы. Батюшка рассказывал, что в первый раз он пришел в отделение, зажав нос платком. Но уже через несколько дней сестры навели порядок и сяющую чистоту. Иногда мне доводилось ездить туда в качестве волонтера. Между сестрами царил какой-то особый дух любви и взаимопонимания. Иногда в больницу приходил батюшка. Это было как праздник, ему были рады и сестры, и больные. Он умел утешить, успокоить, поддержать и развеселить. Сестры трудились и в патронажной службе, помогая больным и престарелым прихожанам на дому. Сестричество, созданное батюшкой, существует по сей день.

Работая в патронаже и в больнице, я увидела вживую, что такое милосердие, смирение, послушание, самоотверженность, истинная любовь. Испытала ни с чем не сравнимую любовь и благодарность подопечных. Среди них были чудесные люди прежнего поколения, воспитанные, сохранившие веру. Как интересно было с ними общаться! Я очень благодарна Господу и отцу Дмитрию за счастье работать в Сестричестве и встретить таких замечательных людей.

В том же 1991 году к батюшке подошли староста Василий Сергеевич Кривозерцев и архитектор Сергей Яковлевич Кузнецов. Их сыновья достигли школьного возраста, и отцы попросили открыть в приходе общеобразовательную школу, хотя в ближайшие планы батюшки это никак не входило. И вот, как он говорил, для этих двух Николаев была создана школа.

Будучи по натуре первопроходцем, отец Дмитрий хотел в новой школе создать совсем новое преподавание, чтобы учеба стала для детей интересным занятием, чтобы они сами хотели получать новые знания и учились думать, чего часто не может дать детям обычная школа.

Интересно, как батюшка набирал учеников. На собеседовании присутствовали мы, то есть все три учителя и завуч с методистом. Батюшка сказал, что детей берем исключительно по принципу нравится — не нравится, никаких других критериев не будет. К счастью, нам понравились все дети.

Меня поразила удивительная способность отца Дмитрия общаться с людьми, которых он видел впервые. В тот день пришло примерно сорок пять — пятьдесят взрослых и столько же детей, и он вел себя так, как будто это его старинные друзья, чем сразу же расположил к себе. Люди чувствовали себя легко и непринужденно.

В результате было сформировано три начальных класса: два первых и один второй. Батюшка считал, что учитель — это абсолютно не женская профессия, так же, кстати, как и церковный певчий. Это очень тяжелый труд, требующий огромных нервных и физических нагрузок, к которым женщины просто не приспособлены. Но в современной, перевернутой с ног на голову жизни невозможно найти мужчин, готовых этим заниматься, поэтому вся тяжесть мужских профессий легла на женские плечи. Преподавателями первых классов батюшка назначил Татьяну Ивановну Рютову и меня, второго — Татьяну Петровну Бабееву.

У меня сохранилась магнитофонная запись первого собрания педагогов 12 июля 1991 года, на котором батюшка изложил нам свое видение будущей школы. Приведу кратко некоторые высказывания:

Принцип школы — изолировать детей от мира.

Одна из идей — не отделять родителей от школы.

«Хирургическая» любовь — быть как бы плохим для одного, чтобы не пострадали остальные.

Разработать систему правил, воспитывающих вежливое отношение к учителю: вставать, когда входит учитель, отвечать стоя, имя называть полностью. Пусть переборщим. Это нужно, чтобы отделить психологически от хамской среды.

Цель школы — не образование, а воспитание. Цель, грубо говоря, хорошим манерам научить.

Труд — самый главный предмет. Человеку не обязательно уметь читать и писать, а нужно уметь штопать, варить, пришивать пуговицы, собирать чемодан, рюкзак.

Иностранный язык развивает ум.

Не лениться пользоваться тем, что мы живем в Москве. У нас колоссальное количество прекрасных музеев. Зрительное впечатление очень важно. Наша цель как можно интереснее преподать предмет. Самое главное в предмете, его суть показать.

Главная задача преподавания — дать общие представления, дать метод, с помощью которого ребенок имел бы возможность самообучения.

Наша цель — готовить детей к жизни. Поэтому надо объяснять, кто мы, в каком окружении находимся. Какие вообще бывают люди. Основная проблема — верующие и неверующие. Очень важно, чтобы дети этого не боялись. Все эти нарывы надо вскрыть. Мама ходит в храм, а папа нет — чтобы они умели к этому правильно относиться, без осуждения, без предвзятости. Но в то же время должно быть правильное и устойчивое понимание.

Конечно, надо следить за гордыней. Гордость, настырность, лезть вперед — этого не должно быть совершенно. Соревнование, лучшие — это все надо отметить. Никаких лучших. Все индивидуально. Ни один не должен знать, какую оценку получил сосед.

Самое важное, чтобы у нас в школе были хорошие люди. Что нужно для Церкви? Нужно просто побольше хороших батюшек, и все будет. Хорошая мать — хорошие дети. Если вы будете хорошими людьми, то все ваши педагогические, технические неудачи — это неважно. Главное, чтобы деткам у нас было хорошо. Главное, чтобы вас любили, чтобы вы их любили. Это важнее всего. Строгость, духовность и любовь без сюсюканья. Чтобы они вам стали родными. А остальное — дело техники. По возможности надо, чтобы эти дети остались в Церкви.

КАК НАШ ПАПА ПРИШЕЛ К БОГУ

Папа жил на Алтуфьевском шоссе, недалеко от Крестовоздвиженского храма. Он был атеистом, как большинство людей его поколения, но не воинствующим и, когда в Ириной семье возникла некая проблема, решил встретиться с отцом Дмитрием и сказать, что он неправильно руководит нами, слишком категорично и бескомпромиссно. Поздно вечером, освободившись после исповеди, батюшка принял его в своей келье. Они долго разговаривали, и через несколько дней батюшка при встрече сказал: «Как мне папа ваш понравился! Он такой кроткий».

Как-то раз папа сказал: «Видел вашего Митю по телевизору. Он выступал против абортотв. Как же на него за это все набросились!» Это было в конце 80-х — в начале 90-х. Уже тогда отец Дмитрий в одиночку сражался со всем миром за жизнь нерожденных детей!

Однажды, когда в храме Митрофана Воронежского шел ремонт и как редкое исключение на память великомученицы Варвары не было службы, я пошла на всенощную в храм Николы в Кленниках, где когда-то служил отец Алексей Мечев. Подхожу к помазанию и вдруг с удивлением и радостью вижу, что помазывает... отец Дмитрий! Вот так сюрприз! Батюшка говорит: «Ага, попалась, изменщица!» Я бормочу, что пришла просить святую Варвару, очень хочу, чтобы папа покрестился, а батюшка и отвечает: «Все хотят!» Служба закончилась, прикладываюсь к иконам и чувствую легкий хлопок по спине. Оглянулась, никого знакомых не вижу. Значит, показалось... И снова хлопок. Оглядываюсь — стоит батюшка с самым безразличным видом, скрывая улыбку, делает вид, что он вообще здесь ни при чем! Как в детских стихах: «Говорят, он с бородой, а шалит, как маленький!..»

Как-то мы с сестрой попросили батюшку помолиться за папу: лет ему уже много, а никак не покрестится. Он сказал: «Что же вы, две клуши, не можете отца вымолить!» — и отошел. И тут одна и та же мысль пришла нам в голову: ехать на Введенское кладбище к отцу Алексию Мечеву! Он еще не был прославлен, но к нему все ездили на могилку с просьбами, и он помогал. Приехали, бухнулись в снег на колени, стали молиться.

Через несколько дней у папы случился инсульт. Его положили в 50-ю больницу, где трудились, и по сей день трудятся, сестрички из Елисаветинского сестричества. Когда он немного восстановился, сестры стали его навещать, беседовать. Особенно успешно получалось у Иры Гитлиной. И в один прекрасный день 1995 года папа сказал, что хочет благодати Божией, хочет креститься. Думаю, помогли молитвы старца Алексея Мечева и нашего батюшки.

Во время крещения отец Максим Обухов, как положено, спросил, почему папа принял решение креститься, может быть, под давлением родственников. Он ответил: «Нет. Я сам. Хочу бороться со злом в себе и вокруг меня».

Впервые он попал на службу в Благовещенский храм 4 декабря. Мы называли это «Введение дедушки во храм». Все были к нему очень внимательны, старались помочь. Никогда я не слышала от него комплиментов в свой адрес, но, увидев меня белом сестрическом фартуке с вензелем Елисаветы Феодоровны и в косынке с крестом, он сказал: «Какая красивая!» Сестры надевали эту фор-

му на праздники и точно в таких же белых фартуках, только без вензеля, работали в больничных палатах. Может, именно это и придавало им особую красоту...

Потом 9 мая папа приехал в Митрофаниевский храм, и батюшка торжественно поздравил его как участника войны и подарил лампадку. А однажды на Сретение привел его в пример, рассказывая в проповеди о том, как тяжело было Симеону Богоприимцу так долго жить в этом грешном мире. Папа как-то сказал отцу Дмитрию, что устал уже жить, а батюшка ответил: «Ну что вы, поживите еще». Но папа ответил: «Нет, устал».

Все три с половиной года, до самой папиной кончины, отец Дмитрий причащал его на дому. Очень хорошо запомнился день первого причастия. Был ужасный мороз, канун Нового года или 1 января, не помню. Я приехала к сестре, у которой папа жил после инсульта. Отец Дмитрий пришел, улыбается. Увидел меня: «И ты здесь?» — «Батюшка, я этого дня семь лет ждала!» Батюшка побеседовал с папой, причастил, а нам сказал: «Конечно, о христианстве ваш папа знает мало, но мыслит очень правильно, главные вехи расставляет — Бог, Адам, Авраам, Давид, Христос». Потом поинтересовался, как живет Ирина семья. Услышав, что Яша учится играть на трубе, стал напевать: «Раньше были Баха фуги, Африка. Нынче там рубают буги, Африка...» Зашел разговор о батюшкином отце, и батюшка сказал, что он был тихим, как зайчик, но поститься и молиться перед едой стал первым в семье и постепенно все остальные начали поступать по его примеру.

Шел 1995 год. Нагрузки отца Дмитрия возросли, и он стал мало причащать на дому, оставил всего трех или четырех человек. После папы он собирался на другой конец Москвы, в Теплый Стан, к Александре Васильевне, за которой я ухаживала. И я помчалась к ней, чтобы помочь подготовиться к приходу батюшки. Он вошел, как всегда, с шуткой: «Дед Мороз пришел! А где Снегурочка?» Александра Васильевна, которой уже было за семьдесят, подхватила: «Снегурочки нет, есть только Баба-яга!» — но отец Дмитрий с этим не согласился. А после Александры Васильевны поехал еще причащать в Беляево...

На Радоницу 1998 года папа отошел ко Господу, и почти всегда в день его кончины в храме поется: «Христос воскрес из мертвых!» Отпевал его отец Федор Кречетов в Митрофаниевском храме. Отец Дмитрий был тогда в командировке, а когда вернулся, сказал: «Ничего, мы с тобой еще съездим, панихиду послушим на могилке». Эти слова запали мне в душу, но батюшка всегда был сверхперегружен, так что много-много лет я не дерзала ему напомнить.

В 2019 году исполнилось 100 лет со дня папиного рождения, и мы с сестрой решили спросить батюшку о панихиде на могилке. Я предложила отвезти его на своей машине. Он сразу очень охотно согласился и послал к секретарю Екатерине Владимировне посмотреть в расписании, когда он будет свободен. Та пришла в ужас от этой затеи: «Пожалейте отца! Он еле живой! Зачем обязательно ехать на кладбище? Можно в храме отслужить панихиду». Мне стало стыдно за свое бесчувствие. Я даже на исповеди покаялась: конечно, можно в храме отслужить панихиду. Но неожиданно для меня батюшка сказал, что он и сам хочет поехать к Исааку на могилу, потому что любил его, он был смиренный.

Я накупила продуктов, хотелось что-то приготовить и порадовать батюшку угощением, но за день до поездки, увидев меня на службе, он вдруг сказал: «А давай сегодня поедим?» Угощение мое сорвалось.

Повезла нас Екатерина Владимировна, которая даже не успела пообедать. Очень ей благодарна! По дороге батюшка разговаривал, шутил, распра-

шивал меня о папе. И я, пользуясь его хорошим настроением, решила задать давно интересовавший меня вопрос. Как-то в «Диалоге под часами» он обмолвился, что у него в приходе есть два святых человека. Мы с сестрой стали думать, кто бы это мог быть. Вот об этом я и спросила. Батюшка ответил: «Не скажу. А вы, конечно, решили, что это вы с Ирккой?» Я засмеялась: «Нет, конечно, но вот одну очень хорошую женщину мы знаем» — и назвала ее имя. Батюшка подумав ответил, что она на этом пути, но никого называть не стал, сказал, что это его сокровище.

Была замечательная солнечная погода, кладбище утопало в сирени, пели птицы. Приехала Ира с сыном Яшей. Батюшка надел очень красивую, вышитую цветами епитрахиль, отслужил панихиду. Потом сел на скамеечку, мы поговорили, я дала Екатерине Владимировне пирожок на дорогу, и они уехали.

Через день в храме батюшка улыбаясь спросил о моем впечатлении от поездки. Я честно ответила, что весь день летала по воздуху от радости, и он сказал, что действительно день был очень хороший, он прекрасно себя чувствовал и до сих пор испытывает большую радость. Невозможно передать, как я была рада это слышать. Батюшка даже предложил: «Давайте еще раз съездим». Я пошутила, что еще лет через сто, а он ответил: «Ну, это очень долго, столько я вряд ли проживу».

Теперь уже с нами нет их обоих, но тот день навсегда останется в моей памяти. Как и все, что в моей жизни было связано с отцом Дмитрием.

ПАСТЫРЬ И ПАСТВА

5 ноября 1991 года на всенощной под праздник иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» неожиданно произошла какая-то заминка. В храме воцарилась тишина, все ждали, что будет дальше. А дальше произошло совсем небывалое событие. На солею вышел отец Дмитрий, хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова, повернулся и ушел в алтарь. Мы стояли затаив дыхание. Наконец батюшка вышел и сквозь сдерживаемые рыдания сообщил, что сейчас отошел ко Господу один великий человек.

Мы видели батюшку разным: веселым, спокойным, сосредоточенным, сочувствующим, непостижимым, строгим, ободряющим, мудрым, ласковым, очень сильным, самым разным, — но таким никогда. Через некоторое время он как истинный пастырь овладел своей скорбью и начал рассказывать об иеромонахе Павле (Троицком). Говорил, что таких людей во всем мире можно сосчитать на пальцах одной руки. Это те, кого называют столпами Церкви, на чьих молитвах держится наша жизнь, и с их уходом зло может поднять голову и выйти на улицу и, может быть, даже войти в дома. Еще батюшка сказал, что отец Павел много лет, находясь в затворе, духовно окормлял братство наших приходов и даже знал всех стоящих в этом храме по именам и всегда молился за нас.

С того времени на незабываемых братских молебнах приходов святителя Николая в Кузнецях, благоверного царевича Димитрия и святителя Митрофана Воронежского отец Владимир Воробьев замечательно и подробно рассказывал нам об отце Павле, с которым много лет общался через письма, передаваемые духовной дочерью отца Павла, Агриппиной Николаевной. Он говорил, что духовная связь с отцом Павлом не прекратилась, он и теперь помогает и к нему всегда можно обратиться с молитвой.

Каждый год в предполагаемый день его кончины, на «Всех скорбящих Радость» (точная дата неизвестна, так как отец Павел умер в затворе), и в день именин,

на преподобного Павла Фивейского, мы собирались в Николо-Кузнецком храме на братскую литургию с панихидой, и батюшка всегда бывал на эти службах. После них толпы прихожан окружали священников, и отец Дмитрий, возвышаясь над толпой и широко улыбаясь, всех благословлял.

Примерно в 1993 году батюшка начал ездить с нами на Бутовский полигон. Тогда это был огромный участок, поросший травой, гигантским борщевиком и яблоневыми деревьями и обнесенный высоким сплошным зеленым забором с колючей проволокой. Никаких сооружений на нем не было, только памятник от общества «Мемориал». Потом появился деревянный поклонный крест, который вырезал и установил скульптор Д.М. Шаховской, сын убиенного в Бутове священника Михаила Шика.

Батюшка расспрашивал местных жителей о полигоне, и они рассказали, что был тут какой-то учебный полигон, слышалась стрельба. Про массовые расстрелы они не знали, все здесь происходившее держалось в тайне.

Батюшка служил панихиду у поклонного креста, иногда вместе со отцом Кириллом Каледой, внуком расстрелянного здесь протоиерея Владимира Амбарцумова. В один из приездов мы встретили отца Сергия Правдолюбова, и меня поразило, когда он сказал, что это святое место, такое же, как Кремль, и даже более, и сюда на поклонение будут приезжать люди со всей страны и даже из-за рубежа. Тогда, среди зарослей борщевика, это казалось маловероятным, но время подтвердило его слова. На бывшем полигоне появился деревянный храм, а неподалеку был возведен красивейший белый храм Новомучеников и исповедников Российских, построенный совместно с Русской Православной Церковью за рубежом.

Батюшка очень любил новомучеников и еще в те времена, когда о них мало кто слышал, старался воспитать и в нас любовь к ним. Много лет мы вместе с ним совершали в Бутово панихиды по здесь убиенным, среди которых, как выяснилось позже, были протоиерей Василий Смирнов, прадед отца Дмитрия, и протоиерей Владимир Медведюк, настоятель храма Митрофана Воронежского. Несмотря на преклонный возраст, с нами всегда ездил наш прихожанин, замечательный человек, много потрудившийся в Бутово, Ростислав Николаевич Кандауров, сын расстрелянного здесь протоиерея Николая Кандаурова. В 2000 году Архиерейским Собором они были прославлены вместе со многими другими новомучениками Российскими, и с тех пор, когда мы приезжали на Бутовский полигон, батюшка служил уже не панихиду, а молебен священикам Василию, Владимиру и всем новомученикам, лежащим в Бутово.

Это были прекрасные поездки, которых все ждали. 1 июля — память священномученика Василия и 3 декабря — священномученика Владимира. Однажды мы приехали в ненастье. Холодный ветер гонял по низкому небу свинцовые облака, хлестал дождь, но мы все равно пошли послужить панихиду. И едва начали петь, как тучи расступились. Солнце осияло крест и продолжало светить, пока совершалась панихида, а потом тучи опять сомкнулись и заморосил дождь. Это чудо помнят все, кто там был.

Многие помнят и поездки с батюшкой на Введенское немецкое кладбище, где похоронен строитель Митрофаниевского храма купец Митрофан Грачев. Отец Дмитрий очень его почитал и каждый год служил панихиду на его могиле, а потом знакомым маршрутом обходил могилы старца Захарии, отца Алексия Мечева, доктора Гааза, матушки Фамари.

Никогда не забуду потрясающее всенощное бдение на праздник Всех святых, в земле Русской просиявших. Стоя в центре храма, батюшка читал их имена. Чтение длилось, наверное, около часа. Это было еще до прославления Собора новомучеников.

Вспоминаю и удивительные дни, когда в Москву прибыла святая десница Иоанна Предтечи, сподобившаяся коснуться Главы Спасителя. Все мечтали попасть в храм Христа Спасителя, чтобы поклониться святыне. Очереди были многочасовые. И вдруг, к общей радости, батюшка объявил, что нашему приходу выделено время и мы можем пройти без очереди. К назначенному часу со-

бралось много наших прихожан, но нас не пропускали. Видимо, батюшке дали неверную информацию. Было холодно, шел дождь, и вдруг мы увидели, как из храма вышел батюшка в полном облачении. Провести нас к мощам он не смог, но каждому подарил иконку Иоанна Крестителя, освященную на его мощах. Это было большим утешением для нас. Батюшка всегда старался исправлять ошибки, даже случайные.

Однажды в начале своего настоятельства отец Дмитрий пригласил нас всех в Елоховский собор на Патриаршую службу, посвященную памяти святителя Иосафа Белгородского. Он должен был говорить там проповедь. Думаю, это была его первая проповедь вне стен нашего храма, да еще и на Патриаршем богослужении, и ему нужна была молитвенная поддержка прихожан. Проповедь была блестящей, богослужение вызвало у многих слезы умиления. Со временем батюшка стал принимать участие во многих службах, которые совершал Святейший Патриарх Алексий.

Вспоминаю, как в Великую Субботу 1992 года в Благовещенский храм после службы почти вбежал «гонец» из Митрофаниевского храма с сообщением, что сейчас здесь будет Патриарх. Через несколько секунд вошел Святейший Патриарх Алексий и навстречу ему из алтаря поспешил батюшка. Мы сразу их окружили, ожидая благословения. Патриарх благословил каждого, а потом с улыбкой сказал, что нам очень повезло, у нас замечательный настоятель и надо беречь его и любить. Разумеется, нас не надо было уговаривать, мы охотно соглашались с каждым словом. Вот такое отеческое наставление дал Святейший во время своего неожиданного и незабываемого визита.

Проповедническое служение батюшки в эпоху Патриарха Алексия закончилось историческим прощальным словом в храме Христа Спасителя в день отпевания почившего святителя.

Предстоятелем Церкви стал Патриарх Кирилл, к которому батюшка относился с глубоким уважением и любовью и часто в проповедях говорил о том, как много он делает для Церкви и какой тяжелый крест он несет.

Конечно, не все созданное батюшкой вошло в эти записки, я вспоминала о самых первых годах моего знакомства с ним. Немало можно рассказать о созданной им позже группе «Опека», о волонтерской службе, Рождественских семейных карнавалах, прекрасных концертах в Елисаветинской гостиной, театре и многом-многом другом, согретом любовью батюшки к Богу и людям.

Вечная память нашему дорогому отцу Дмитрию!

Моя встреча с отцом Дмитрием произошла в самом начале его служения в Крестовоздвиженском храме в Алтуфьево в 80-м году. Так получилось, что мы живем недалеко от этого храма, где отец Дмитрий служил до 91-го года. И постепенно мы с батюшкой познакомились и довольно тесно общались. Я старше на семь лет, но всю жизнь почитал его за старшего, для меня он всегда был отцом. И по своему виду богатырскому, и по такому отцовскому отношению к людям он для всех, мне кажется, сразу становился моральной опорой, так что очень органично было обращение к нему *батюшка* и очень естественным выглядело почтительное отношение всех окружающих.

Ощущение подлинности, которое он в себе нес, было, пожалуй, самым главным для меня тогда, во времена всех этих подступающих перемен. Его ясная и четкая внутренняя определенность, большая любовь, вера, отвращение к лицемерию, которое он высказывал и в личном общении, и в проповедях, — вот что прежде всего и привлекало к нему людей.

Он совершал иногда довольно экстравагантные поступки, но именно ощущение, что над всем этим преобладала любовь, позволяло ему так поступать, и люди это воспринимали. Не все, может быть. По себе скажу, что резкое высказывание *почти никогда* не обижало, потому что та близость, родственность, которая при этом проявлялась, давала возможность очень откровенных, простых отношений. Мне радостно вспоминать, что он называл меня *Валерка* или *Ефимыч*, всегда говорил мне «ты» и никогда не предлагал, чтобы и я перешел с ним на ты. Он как священник совершенно органично чувствовал себя в этой ситуации, и никаких затруднений это общение у нас обоих не вызывало.

Я напрашивался к батюшке, когда он ездил по всему городу на требы. Видимо, в основном его приглашали по знакомству, а не по территориальному принципу, так что мне приходилось сопровождать его иногда и на другой конец Москвы. Ездили на общественном транспорте, на метро. Машина у него появилась много позже. Эти поездки я использовал, чтобы у него все время о чем-то выспрашивать, он мне охотно и подробно отвечал, и таким образом за это десятилетие у меня получилась некая персональная *школа воцерковления*.

Она продолжалась и потом — в храмах святителя Митрофана Воронежского и Благовещенском в Петровском парке, но уже, может быть, менее интенсивно. Но, по сути, она продолжается и сейчас — столько еще не прослушанных его записей в ютубе, не прочитанных текстов бесед!

Однажды, в советские еще времена, ему надо было причащать кого-то в больнице, это было одно из первых посещений больницы священником. Он был в рясе, мы поднимались по лестнице, и вдруг навстречу идет врач, женщина в белом халате. При виде священника она сделала испуганные глаза, и батюшка в ответ пошутил довольно жестко — зарычал, как лев, еще более пугая ее. Конечно, в этом присутствовало то, что я потом определил как юродство. Думаю, не только он использует этот прием, когда надо выбить из привычной колеи человека, который затвердел в лицемерии или в каком-то установившемся взгляде на мир. И наверное, эта женщина поняла, по крайней мере, нелепость своего испуга.

И позже, когда все в этом отношении вроде бы устаканилось и Православие стало почитаемым и народно, и официально, отец Дмитрий постоянно прибегал к такому приему явного обострения нелепости какого-то вопроса или ситуации. Иногда у него это получалось резко, я думаю, даже намеренно, потому что он органически не мог терпеть человеческой фальши, какого-то обиходного лицемерия, которое насквозь пронизало нашу жизнь, затверженных штампов общения, официоза, замены реальной любви, которая должна царствовать между людьми, суррогатами типа всяких вежливых формулировок.

У каждого своя, если так можно выразиться, *палитра грехов*. У меня бывали состояния уныния, и отец Дмитрий из меня это уныние вытряхивал. Вот прихожу на исповедь, весь полный печали о своих грехах, а он вдруг скажет какое-то

слово, так что я и под епитрахилью невольно начинаю смеяться. Он как бы прокалывал этот мыльный пузырь мнимого покаяния, показывал тебе твою гордыню, и ты оставался просто в пустоте, в понимании того, что все то, что ты несешь на исповедь, фальшиво, и тяжелая громада этого мнимого твоего покаяния лопалась, выпуская из себя нервный хлопок смеха. А иногда он просто подставлял кулак под нос и говорил: «*Видишь, какой кулак, я боксом занимался... Будешь еще грешить, побью*».

Такие у него были нестандартные приемы, иногда и резкие по форме. Он как бы мечом прорубал, и это было нужно нам, людям, в которых много наносного.

Я сказал вначале, что эти его нестандартные педагогические приемы почти никогда меня не обижали... *Почти никогда...* Мне стыдно сейчас вспомнить одну свою долгую на него обиду. Как-то на исповеди я сказал ему: «*Мне кажется, батюшка, вы хотите сокрушить мою гордыню...*» Он мне тут же ответил: «*Да плевал я на тебя, Валерка! В чем каешься, говори!*» И вот этот его ответ больно ударил по моему самолюбию, так что я внутри себя имел наглость его осудить и обидеться, разом забыв о том, сколько со мной он возился.

Нет чтобы подумать о том, сколько времени своей жизни, такой драгоценной для многих и многих, он подарил мне — неделю? месяц? Поездки на требы, исповеди в храме, разговоры в его келье — и помимо всего этого он не отказывался читать мои рукописи и отзываться на них, я записывал его беседы на видео, и он редактировал мой монтаж, и еще он вникал во всякие групповые инициативы, в которых пришлось мне участвовать — одобрял, не одобрял, советовал...

И всегда откликнулся на мои просьбы. Привожу к нему молодого иеромонаха, назначенного настоятелем в сельский приход, а там ему даже негде жить. Он вручает ему деньги на дом. Другому заезжему пожилому священнику с большими ногами, кому-то названивая, добывает инвалидную коляску. Моей больной жене (соавтору по жизни и по кино) находит врача...

Кстати, побывав у нас дома и освятив нашу квартиру (потому что вдруг однажды выяснилось, что всем нам, включая детей, регулярно во сне стали приходить, пугая нас, одинаковые дутые человечки; батюшка освятил — и человечки пропали), он познакомился с моим соавтором и наедине дал мне довольно неожиданное для православного священника, но уверенное совет: «*Во всем слушайся жену*».

И вот, после всего этого, я имел такую неблагодарность и глупость, что мог обидеться на него и тупо поверить, что ему на меня наплевать!

Встречаясь со мной, он всегда радушно меня приветствовал.

«*Как живешь?*» — спросит. Однажды я ответил: «*С грехом пополам*» — он восхитился: «*Какая хорошая пропорция!*»

Другой раз я сказал ему, как бы оправдываясь и его утешая: «*Я, батюшка, по-прежнему поминаю вас как духовного отца*», — он ответил не моргнув глазом: «*Поминай как сына*». И, не оборачиваясь в мою сторону, пошел дальше по лестнице, устало на ходу добавив: «*Духовный отец — это тот, кому регулярно исповедуешься...*»

Почему я не бросился ему вслед и не попросил об исповеди?

Враг сковывает душу. «*Ни один обиженный человек не войдет в Царство Небесное*», — говорил он. Годы прошли, пока до меня наконец дошел простой и ясный смысл его ответа на мой вопрос о сокрушении им моей гордыни — простой ответ сыну духовного его отца: «*Да, Валерка, ты угадал! Хочу из тебя выбить всю эту пыль твоего самомнения! Как ковры выбивают, знаешь? Хочу именно потому, что мне далеко не наплевать на тебя, дурака!*»

Исповедовался я ему, уже стоя ночью на коленях перед гробом...

Когда я смотрю на его жизнь, у меня возникает ощущение, что, конечно, в нем присутствовали благодать и святость. В фильме, который мы сняли о другом батюшке, об отце Александре Егорове, старец Николай (Гурьянов) сказал о нашем герое: «*Он уже служит, служит!*» Эти слова были сказаны старцем в то время, когда после кончины отца Александра не прошло даже сорока дней.

Вспоминая это короткое сообщение о посмертной судьбе благодатного священника, я думаю, что вот так же продолжается и сейчас служение духовного моего отца Дмитрия Смирнова.

И самым главным в этой *персональной школе воцерковления* (таких школ в служении его было, конечно, тысячи), во всех встречах с ним, и личных, и соборных, и вживую, и в записи, и тех, что уже были, и тех, которые происходят сейчас, главным была — и есть — не так называемая *информация*, сообщаемая им, а что-то иное, более значимое и важное, которое и самой *информации* придавало значение *жизни*.

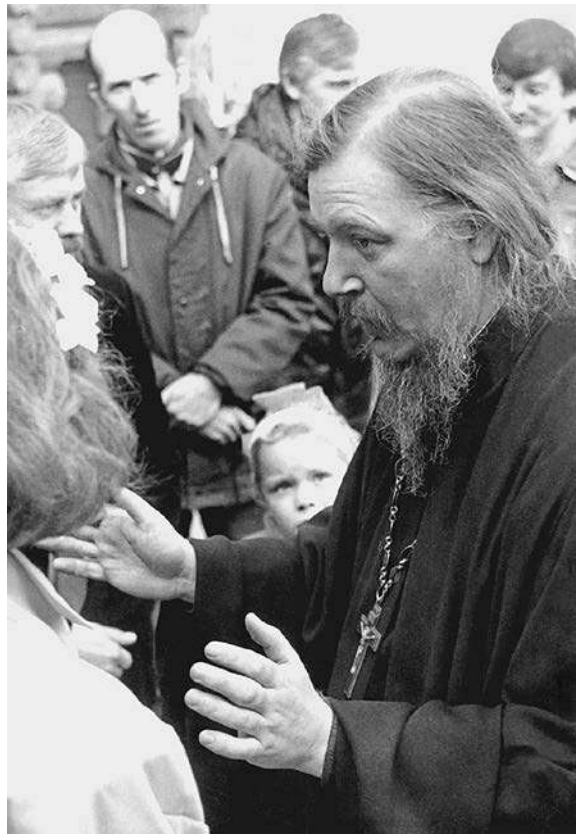
Удивительное дело: и в том случае, когда он говорил — и продолжает говорить — что-то такое, в чем лично для тебя нет ничего неизвестного, всегдашней *новостью* был — и остается — *он сам*, его неповторимая личность. И еще более удивительно: эта его личность — при всем своем своеобразии и яркости — не заслоняет смысла той *информации*, которую он нам сообщает, а собственной неповторимостью высвечивает и усиливает этот смысл.

Отец Дмитрий открыл для меня этот закон православной соборности, который подтвердили потом — со страниц книг, с эфирных частот, с экранов кино и телевидения и при личных встречах — многие другие батюшки и владыки, монахи и миряне. Этот закон давно открыт, но каждый его может переоткрыть на собственном опыте: церковное единство людей не причесывает всех *под одну гребенку*, не стирает с верующих их индивидуального человеческого своеобразия, наоборот! — (это как раз *работа греха!*) — оно, как мастеровитый огранщик, вытачивает из природных алмазов драгоценные бриллианты, хранимые в памяти людей и в культуре.

Достаточно вспомнить известных сегодня на всю страну *духовных лиц*, чтобы понять действенность этого *закона православной соборности*. Стоит назвать хотя бы нескольких, чтобы сразу стало ощутимо стилистическое своеобразие каждого и личностная их неповторимость: протоиерей Артемий Владимиров, владыка Тихон (Шевкунов), архимандрит Амвросий (Юрасов), протоиерей Сергей Баранов, протоиерей Андрей Ткачев... Последний на встрече в Доме кино, где он представлял фильм Чаплина «Огни большого города», высказал мысль, с которой не согласится, наверное, только очень предвзятый человек: «Сегодня сословие священников в России — это самый талантливый, самый деятельный, самый просвещенный отряд наших соотечественников, который пытается сделать свою страну и ее сограждан лучше, чем они есть на данный момент».

И вот в этом ряду имен, наверное, первым должен быть назван протоиерей Дмитрий Смирнов. Он шуточно говорил в начале 90-х киношникам, которые сняли и распространили по приходам страны его двухчасовую беседу с молодежью под названием «Церковь не молчит»: «*По вашей милости, я теперь первый поп — звезда! Куда ни приеду, мне говорят: «А мы вас уже видели!»*

Отец Дмитрий очень любил искусство и красоту, охотно вспоминал свои занятия живописью. Пройтись вместе с ним по художественной выставке — радость великая. Раза два мне удалось ее испытать. Увы, не очень помню его суждений по поводу картин, у которых мы стояли, но вот ту *радость великую*... — она до сих пор помнится и всякий раз оживает во мне и согревает мне сердце, когда вспоминаю свое соприсутствие рядом с этими двумя тайнами, для меня в тот момент равновеликими — тайной искусства и непостижимой тайной его личности.

Он любил и кино и, когда получалось, охотно участвовал в работе жюри православных кинофестивалей. В память мою врезались его неожиданные слова, обращенные к нам, киношникам: *«Поймите: Богу нужны не ваши фильмы, а вы сами».*

Когда на такси я ехал ночью в храм Христа Спасителя на прощание с батюшкой и на свою последнюю ему исповедь, водитель, узнав о цели моей поездки, горячо отозвался: *«Мусульмане знают его и очень уважают. Его имя не раз я встречал на наших сайтах и форумах...»*

Так что служение протоиерея Дмитрия Смирнова — служение нашей Церкви и всей России — оно продолжается. И оно приходит в нашу жизнь не только из прошлого, из того духовного наследия, которое осталось после него на земле — в книгах, во множестве аудиовидеозаписей, в памяти знав-

ших его людей, оно происходит еще и в том таинственном, пока незримом для нас «небесном формате», о существовании которого в связи со смертью другого священника свидетельствовал псковоозерский старец. Отец Николай (Гурьянов) и сам ныне тоже уже *служит, служит — там...*

Вспоминая всех недавно ушедших от нас духовных отцов и среди них протоиерея Дмитрия Смирнова, а с ним вместе тех, о ком он при жизни сам не раз вспоминал — отца Тавриона (Батозского), отца Павла (Троицкого) отца Павла (Груздева), отца Иоанна (Крестьянкина), отца Кирилла (Павлова)... (без многоточия тут никак не обойтись), мы, живущие на нашей земле православные люди, и дальше будем наполнять это многоточие многими именами, оставаясь сами при этом свидетелями и хранителями чуда — этой череды посылаемых нам Спасителем — *спасения нашего ради — благодатных ловцов человеков, продолжающих свое служение даже после окончания их земного пути.*

ИРИНА ЛЬВОВНА БАЛАЕВА

Впервые я увидела отца Дмитрия в августе 1990 года, когда пришла в недавно открывшийся храм святителя Митрофана Воронежского крестить свою маленькую дочку Олю. Была я еще совсем неверующей, хотя именно в это лето впервые прочитала Евангелие и мне понравилось, если вообще можно так выразиться. Семья упало на каменистую почву моего сердца. Но, конечно, до желания строить свою жизнь (а вернее, исправлять ее) в соответствии со словом Божиим было еще далеко. А зачем тогда крестить? Ну, так вроде положено, да и все в семье были крещены.

На крестинах было примерно восемь младенцев и родители, в основном такие же «дикие», как и я, поэтому батюшка сначала объяснил нам, на каких словах надо креститься и кланяться. Служба мне показалась очень долгой, дочка все время ныла в такой незнакомой обстановке, я нервничала от этого, и даже батюшка сказал Оле: «Ну, хватит скрипеть-то!» А в конце произнес такие слова: «Если вы покрестили ребенка и не будете его приносить в храм и причащать, то зря вы ваши денежки потратили. Лучше бы себе что-нибудь кожаное купили». Я от неожиданности все прямо дословно запомнила.

Это и была для меня первая батюшкина проповедь и первый урок. Но я ему не вняла, а Господь не оставлял и снова привел меня (прямо за ручку) в Митро-

фаньевский храм уже в лето 1991 года. Ручка была Лены Коршуновой, которая и показала мне, как подносить ребенка к причастию, и я стала действительно приходить причащать Олю. Но служба и батюшкины проповеди для меня еще не существовали. А вот книжки я стала читать и Великим постом 1992 года решилась пойти на исповедь.

В Великую Среду вечером в храме Митрофана Воронежского служили отец Дмитрий и отец Алексей Новиков. Я стояла и думала, к кому же подойти. И конечно, решила, что не к отцу Дмитрию, уж очень было страшно. А потом вдруг передумала (наверное, тогда просто Господь меня к батюшке направил) и подошла. В тот первый раз батюшка не сказал мне ни слова, просто загибал пальцы на каждый исповеданный грех. В Великий Четверг я в первый раз осознанно причастилась, и началось долгое (и трудное!) воцерковление.

С большим трудом и немалыми искушениями отрывалась я от привычной греховной жизни, и тут батюшкина роль была огромна. Слово его было «со властью», невозможно было не поверить и страшно не послушаться. Так что в Церкви я удержалась, буквально уцепившись за батюшкину рясу. И уже следующий, очень трудный для меня урок — «нельзя быть счастливым за чужой счет» — все-таки был усвоен. И вот начались счастливые годы жизни в Церкви, наконец-то жизнь приобрела осмысленность!

Батюшкиным словом можно было питаться (что мы и делали) — я имею в виду проповеди, а впоследствии и выступления, и лекции, и «Диалоги под часами». Оно и обличало, и пугало, и давало формулы духовной жизни, было наполнено живыми образами и примерами, которые, надеюсь, никогда не забудутся. Очень часто пользуюсь батюшкиной формулой «главное в поступке — его мотив», помню про полезный столб, который, тем не менее, не войдет в Царствие Небесное, про то, как проверяется христианство в человеке, и многое-многое другое, запечатленное в сердце «как резцом по стеклу», по батюшкиному же выражению. И еще столько интересных и глубоких суждений об истории, литературе, музыке, живописи довелось услышать из батюшкиных уст за эти двадцать девять лет, что в какой-то момент я заленилась читать книжки. Ведь батюшка все объяснит, расставит правильные акценты...

При этом отец Дмитрий удивительно умел молчать (особенно на исповеди), то есть не говорить лишнего, не поучать, и каждое его слово ну просто складывалось в сердце и имело огромный вес. Опять же вспоминается формула «не говорить больше того, о чем спросили, и даже лучше немного меньше».

Никогда батюшка не навязывал своего мнения, а уж тем более если его не вопрошали. Его советы (ответы) всегда были такими, что как бы оставался зазор для осуществления воли Божией, возможно совершенно отличной от наших намерений. И часто очень неожиданными. Помню, как в начале своей церковной жизни подошла к батюшке с вопросом, можно ли мне поехать кататься на лыжах на Кавказ (а шла Чеченская война, и моя мама очень беспокоилась, куда это я, да еще с ребенком). Спросила, чтобы успокоиться и не ехать, а батюшка говорит: «Так ведь если что, уехать можно». А потом добавил: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское!» — и вопрос был решен! С тех пор я временами пользуюсь этой формулой в минуту сомнения.

Пожалуй, самыми трудными и самыми важными в батюшкиной школе были уроки смирения. Его любовь была без человекоугодия, конечно, со снисхождением к духовной немощи пасомого, но это другое. Поэтому она была нелегкой, батюшкина любовь. Я очень благодарна ему за эти уроки, хотя, сами понимаете, нокаут от батюшкиной ручки — это не шутка! Он не был ручным Львом (как писал про Аслана автор «Хроник Нарнии»). При этом лучшие секунды жизни (сложившиеся в минуты и часы) проведены под его епитрахилью, такие тут изливались любовь и прощение.

Помню, что даже несколько раз говорила: «Батюшка, да я вас боюсь!», на что он отвечал: «Ну, правильно». Или же: «Да, я уже несколько человек съел». А что, ведь исчезли куда-то некоторые постоянно ходившие на исповедь тетушки... Ну, это все шуточки, а главный батюшкин урок был не словесный — пример жерт-

венного служения ближнему Христа ради разворачивался перед нашими глазами эти тридцать (а для кого-то и сорок!) лет. Отец старел, болел, уставал и при этом отдавал себя людям и Церкви все больше, абсолютно беспощадно к себе, да еще со своим незабываемым юмором.

Батюшка был человек действия. Вспоминается, как во времена его служения в Николо-Заяицком храме на Раушской набережной были размещены большие щиты с такой рекламой, мягко говоря, нецеломудренной. И вот батюшка на проповеди сказал, что хорошо бы ее поразбивали женщины, имеющие детей, так как это прямое растление подрастающего поколения. А я-то под эту категорию и подходила... Что делать? Как же послушаться батюшку? А с другой стороны, хулиганство все же...

Пошли во двор напротив храма, набрали каких-то булыжников и вышли на набережную. Первые броски были робкие, и стекло не поддавалось, а потом хорошо пошло. И когда мне уже почти понравилось, я решила, что пора уходить, тем более что удивленные жители стали вызывать милицию. Рекламу тогда убрали, и вроде бы никто не пострадал.

Ну и про вакцинацию нельзя не вспомнить. Такую мощную прививку от фарисейства получили мы от дорогого нашего батюшки. Ничего напоказ, ничего внешнего, ничего формального «на дух не переносил» отец Дмитрий. И нас так учил.

А последний батюшкин урок — урок победы духа над плотью, конечно, не забыть. Когда в июне 2020 года на память Всех русских святых, впервые после болезни, батюшка появился на солее Митрофаньевского храма и, перехватываясь за столбики боковых дверей алтаря, опираясь всем телом на Романа, медленно продвинулся к своему стульчику, сердца присутствующих больно сжались, а глаза невольно опустились вниз. Как было не вспомнить так почитаемого батюшкой генерала Каппеля, продолжавшего военный поход с ампутированными ступнями...

Этот последний период тяжелой болезни, навалившейся немощи, отхода от всех дел был сокрыт от наших глаз, и только можно догадываться, какое же смирение нужно было, чтобы принять все это. И это нам тоже урок. На будущее.

Я очень благодарна Богу за то, что столько лет видела, слышала, училась христианству у дорогого нашего отца Дмитрия. Жалею, что была троечницей в этой школе. Троечники, они всегда сзади сидят и делают вид, что у них все в порядке.

И еще недавно я получила от батюшки подарок на день рождения. Во всяком случае, мне хочется так думать. А в том, что наш родной отец Дмитрий по-прежнему любит и молится о нас, сомневаться не приходится.

Мое знакомство с отцом Дмитрием состоялось более тридцати лет назад. В начале 1990-х годов, в сложный период распада страны, батюшка стал для многих опорой в жизни. И меня тогда посетило чувство растерянности от происходящих резких перемен, я начала искать священника, который поддерживал бы меня, наставлял. Я обращалась за советом к знакомым, но, побывав в разных церквях, не ощущала родства. И вот летом 1990 года ныне уже покойный Алексей Червяков, сотрудник музея преподобного Андрея Рублева, где я заведовала отделом, рассказал, что в моих краях открылся храм и в нем служит замечательный проповедник отец Дмитрий Смирнов.

Митрофаниевский храм оказался маленьким, с кирпичными голыми стенами, без икон. Меня захватили не только проповеди батюшки, но, главное, его вдохновенное служение. Побывав на исповеди, я поняла, что нашла духовника, а осенью 1991 года перешла на работу в храм.

Я и не предполагала, что в приходе может быть свой музей, поэтому, когда отец Дмитрий показал мне два старинных расписных сундука и сказал: «Лена, у нас будет музей», не смогла скрыть своего скептического отношения. Но батюшка никогда не говорил впустую, даже если то, что он сказал, казалось совершенно невероятным.

Действительно, 11 мая 2002 года мы открыли приходской музей, в основу которого легло собрание отца Дмитрия. Батюшка видел, как исчезают остатки традиционного уклада русской деревни, поэтому главной задачей музея в то время считал знакомство детей с русской народной культурой. Этому должно было послужить даже внешнее оформление: стены и потолки были, как в деревенском доме, обшиты деревом, витрины выполнены также из дерева по эскизам самого отца Дмитрия и нашего архитектора Сергея Яковлевича Кузнецова.

Древлехранилище быстро пополнилось экспонатами по истории приходских храмов, археологическими находками, палестинскими древностями и паломническими реликвиями, которые батюшка привез из Иерусалима, деревянной церковной скульптурой, уникальными церковно-историческими реликвиями, в частности рисунками великой княгини Елизаветы Феодоровны, историческими костюмами, книгами, газетами, фотографиями, предметами времен Великой Отечественной войны. Наши экспонаты участвовали в выставках, организованных государственными музеями, и дважды выезжали в закрытый город Саров на выставки, посвященные преподобному Серафиму.

Особенное внимание отец Дмитрий уделял восстановлению и благоукрашению наших храмов, отдавал этому много времени и сил. Имея художественное и духовное образование и, безусловно, художественное и духовное чутье, он стремился, чтобы там было как можно больше старинных намоленных икон, которые писали верующие не в первом поколении люди. Прихожане, воспитанные в основном на академической живописи XIX–XX веков, не сразу воспринимали такие иконы. Так было и с замечательным образом Господа Вседержителя XVII века. После его размещения в центральном иконостасе Благовещенского храма батюшка выслушал немало жалоб, непонимания и недоумений и написал статью для приходского журнала, в которой отразилось его глубокое и проникновенное видение духовности древней иконописи.

«Русские иконы обычно тихие, смиренные, а эта «валит с ног», она экспрессивна, запоминается сра-

зу и навсегда, — писал он. — Когда смотришь на нее, возникает эффект полета образа на зрителя. Нечто подобное бывает при взгляде снизу вверх на высокую колокольню, поверх которой бегут облака, а кажется, что летит сама колокольня. Но все это не прием, не техника. Этот провинциальный образ исполнен прямодушным мастером, он рожден из простоты сердца. Иконописец — русский человек, дитя далекого прошлого, того древнего мира, русской Северной Фиваиды. <...> Мастер писал ее, как рисуют дети, хотя чувствуется и твердая рука. Заповедь Христа «будьте как дети» очень ясно отражается в иконе. <...> Такой ико-

нописи невозможно научиться, этот дар родился свыше и явился сам. <...> В силу своей периферийности образ передает нечто большее, чем памятники высоких школ. В нем сохранилось то, что было в умах и сердцах прежних иконописцев; проглядывает душа мастера, который будто протягивает нам руку, построил мост из времени, после которого начался закат русской церковности. И поэтому сейчас, когда Церковь переживает начало своего возрождения, приход к нам этой иконы так важен, знаменателен».

Старинные иконы, с любовью собранные настоятелем, нуждались в большой реставрации, да и сейчас им необходим постоянный уход. И отец Димитрий умел привлекать к работе профессионалов. Совместными трудами батюшки, архитектора, реставраторов, живописцев и столяров в наших церквях были созданы потрясающие ансамбли из резных иконостасов, расписных киотов и древних икон, перед которыми мы возносим свои молитвы.

Господи, упокой душу отца Димитрия во Царствии Твоем и сохрани плоды его трудов!

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МИХЕЕВ

У меня не было какой-то длинной истории знакомства с отцом Димитрием. Так получилось, я довольно долго работал в Академии Жуковского и приходил в Благовещенский храм, когда он еще был грязным складом. И когда он стал возрождаться, для меня все это было очень удивительно, я бы даже сказал, потрясающе. Я периодически туда заходил, и как-то раз отец Димитрий сам ко мне подошел. Я, в общем, этого не ожидал и даже прятался за колонной, но он меня нашел, познакомился, и мы с ним обменивались иногда мнениями, он несколько раз приглашал к себе в видеоблог.

В общем-то это были очень короткие встречи, и их было очень немного. Но так как я политолог, то я хочу сказать немножко о своем. Отец Димитрий был настолько выдающимся человеком, что и в политических процессах, даже не будучи включенным в эту всю суету, он разбирался, на мой взгляд, просто виртуозно. Он очень быстро вычленял суть того или иного явления, суть того или иного процесса, понимая, откуда по большому счету растут ноги. Я знаком со многими политиками, политологами, экспертами, не только с российскими. На мой взгляд, одна из главных их проблем — то, что, хотя они могут быть очень матерыми людьми в политике, они очень поверхностны и многих вещей просто не понимают. Не понимают, в чем же квинтэссенция, в чем суть, где действительно корни того или иного явления. Им просто не хватает веры, если хотите, а на основе этой веры не хватает и знаний, и понимания. А отец Димитрий, несмотря на то, что он политикой напрямую не занимался, всегда, когда я с ним обмени-

вался мнениями, в своих оценках был абсолютно точен, стопроцентно, как скальпелем, четко вскрывал эту подоплеку и совершенно однозначно ее определял.

Он любые явления, не только церковной жизни, но вообще любые явления этой жизни, видел, как мне кажется, очень многогранно и очень объемно. Даже разговаривая, может быть, о частных случаях, — я иногда смотрел какие-то передачи, где ему задавали частные вопросы, — он довольно быстро и очень интересно выходил на какие-то масштабные явления. Он видел сразу несколько уровней, потому что любое частное событие по большому счету является проявлением более глобальных законов, более масштабных явлений. И он это очень просто, очень понятно объяснял, выходя сразу на этот уровень. Я думаю, что это свойство, которое присуще далеко не многим.

И что касается России и ее истории, здесь он тоже давал очень правильный, очень четкий, очень глубокий анализ и того, что с Россией происходит, и того, что может еще произойти.

Та манера, в которой он разговаривал с людьми, лично мне просто очень близка. Я тоже люблю такой достаточно жесткий, но юморной подход. Конечно, может быть, кто-то на него обижался, но мне кажется, это было очень живое и очень простое общение и способ донести до людей то, о чем же он все-таки говорит. Иногда бывает очень много всяких слов, и они бывают порой даже немножко слащавыми, но у него этого не было. И суть явления, суть того сообщения, которое он хотел человеку донести, он очень четко и быстро определял. Поэтому обижаться на него было нечего, обижались на него, мне кажется, не от большого ума, а может, и от зависти, я не знаю. Но также и оттого, что он просто называл вещи своими именами.

Это был действительно великий человек, и мне очень жаль, что я так недолго и немного с ним пообщался. Все то, что он сказал, написал: и проповеди, и передачи, и прочее-прочее, — это будет актуально и через год, и через десять, и через пятнадцать, и через двадцать и так далее и так далее. И чтобы это никуда не ушло, это, мне кажется, одна из главных задач, которая перед нами всеми стоит.

ДОРОГИЕ ОТЦЫ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ,
ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОТОВИТ КНИГУ
О БАТЮШКЕ ДИМИТРИИ. ВАШИ ВОСПОМИНАНИЯ ПРОСИМ
ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ: ST.ELIZAVETA@MAIL.RU

ПРОТООИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ СМИРНОВ

Проповедь

(10 октября 1999 года)

ОДНАЖДЫ, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети. Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон, будущий апостол Петр, мог сказать Христу: «А что я буду иметь, если Ты моей лодкой попользуешься? Плати за аренду». Но он послужил Христу, и Господь решил его отблагодарить. Каждому, кто Ему послужит, Господь воздаст во сто крат.

Симон сказал: «Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть. Конечно, они за всю ночь ничего не поймали и Симон Петр знал, что ловли не будет, поэтому они уже и сети вымывали, но он смиренно ответил: «Раз Ты сказал, я это сделаю» — и получил столько рыб, что лодки начали тонуть, то есть с горой было насыпано.

Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех бывших с ним от этого лова рыб, ими пойманных; также Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков. И, вытащив обе лодки на берег, оставили все и последовали за Ним. И рыбу оставили, и сети оставили, и лодки оставили. Все это уже оказалось ненужным, потому что они приобрели нечто большее.

Почему Господь избрал Симона Петра одним из Своих апостолов? Потому что он

был человек добрый, он не пожалел, уступил свою лодку. Он был человек послушный, ему сказали закинуть сеть, и он закинул. И он был человек благоговейный. Очень многие люди, увидев какие-то чудесные явления, по гордости своей начинают думать, что они шибко этого достойны. А Петр был не таков, он перед лицом чуда тут же осознал свою греховность и недостойнство. Поэтому Господь сказал: «Идем, сделаю тебя ловцом человеков». И сделал.

Подобно Царство Небесное неводу, говорит Господь. И вот уже две тысячи лет этой сетью, где каждая ячейка — человек, служащий Богу, Он ловит людей. Когда-то были удивительные ловцы и уловы были очень большими. Вот Николай Касаткин, архиепископ Японский, начал свою проповедь в то время, когда любого, кто обращал японца в христианство, по закону должны были казнить. А когда он уже умер, император Японии сказал, что святитель Николай принадлежит не только Православной Церкви, но и всему японскому народу. При жизни его почитали вторым лицом после императора, таков был его духовный авторитет. Он один полностью изменил ситуацию в языческой стране, и теперь там уже сотни тысяч православных японцев, у которых и папа был православный, и мама, и бабушка и так далее. Или Нина, просветительница Грузии. Что могла женщина, особенно на Востоке? Она стояла в тени, ее даже за стол не пускали. Но благодаря Нине целый народ обратился ко Христу. Или равноапостольный князь Владимир. Их пример оказывал на людей удивительное воздействие.

Любой человек, буддист, сатанист, иеговист, кто угодно, создан Христом. И как бы в своем пьянстве, безбожии, воровстве, блуде он ни удалился от Христа, никогда до конца не бывает истреблено то, что в него вложено Богом. Остаточек здоро-

вой части души, сталкиваясь с благородством, чистотой, верностью, инстинктивно к этому тянется. Но сейчас в любой стране, которая некогда была христианской, в Англии, во Франции, в Болгарии, приди в центральный храм на престольный праздник и посмотри, сколько там народу. Практически никого нет. Почему? Нету ловцов человек. Привлечь ко Христу может только тот, кто имеет христианские свойства. Когда люди встречают что-то христианское, настоящее, нелицемерное, их душа начинает вибрировать, она начинает узнавать свое.

И по замыслу Божию каждый из нас, старики, молодые, дети, призван к тому, чтобы стать этими ловцами. Для этого не нужно изобретать какие-то специальные приемы, ласкательства, которые используют сектанты, лишь бы только человека завлечь, обложить его флажками, как волка, чтобы он уже не мог вырваться. На самом деле цель не в том, чтобы захватить во что бы то ни стало, а в том, чтобы показать человеку красоту христианства, которая заключается только в одном — в любви. Подлинная любовь — это и есть свидетельство христианства, ибо *Бог есть любовь*. Если бы не Христос, все давно уже было бы уничтожено, все друг друга уже давно бы съели, убили в войнах, в кровных местах. Мы живем лишь благодаря тому, что какие-то следы христианства все-таки еще остались. А если и они исчезнут, то этот мир, собственно, уже будет не нужен, раз никто больше не приходит ко Христу. Христос — это ось всей Вселенной, и смысл жизни каждого человека заключается в том, чтобы обрести Христа, а не в том, чтобы его похоронили на Ваганьково или на Новодевичьем, поставили памятник и понесли на подушке побольше цапек.

Можно говорить какую-то ахиною: «Я верю в человека!» — но в чем тут предмет веры? Это просто попытка уйти от главного вопроса: «Голубчик, а что ты будешь делать на следующий день после того, как умрешь?» Вот что важно. И Христос пришел на землю только с одной целью — чтобы создать Церковь из тех людей, которые пошли за Ним, чтобы потом за этими людьми пошли другие, а следующее поколение пошло за учениками учеников, и так две тысячи лет.

Сейчас мы не можем продемонстрировать чудесного улова рыб или воскресить

мертвого, но у нас есть слово о Христе. И если человек увидит в Нем нечто, что природно, онтологически соответствует его душе, он может пойти за Ним. В Царство Небесное войдет только тот, кто выбрал Христа не под давлением чуда, а по велению сердца, потому что узнал в Нем свое и решил, что да, я хочу идти вот этим путем. Только такому человеку Господь раскрывает Свои объятия.

Конечно, ничто нечистое в Царствие Божие войти не может, поэтому для тех, кто не понимает, что значит «чисто», а что «нечисто», кто не понимает, что значит «благородно», а что «подло», что значит «честно», а что «нечестно», даны заповеди. Если человек не понимает, что убивать нельзя, ему говорят: «Не убий». Если человек не понимает, что прелюбодействовать нельзя, ему говорят: «Не прелюбодействуй». Если он совсем очумел и не понимает, что воровать нельзя, ему говорят: «Не укради». Заповеди даны Богом для тех, кто ничего уже не понимает, у кого в голове каша, кто только интуитивно чувствует, что вот здесь правда. И ради этой правды он готов покориться заповедям Божиим, чтобы выправить свою жизнь, сделать ее из такой кривой, запутанной прямой и по этому прямому пути идти ко Христу. Вот тогда произойдет эта встреча, тогда Господь через благодать Святаго Духа соединится с человеком и там, внутри, в глубине его сердца, начнется то, что называется духовной жизнью.

Духовная жизнь — это не значит сидеть где-то в ложе бенуара и смотреть, что там показывают на сцене. Духовная жизнь не значит лежать на диване и читать книжку или куда-то ехать смотреть какие-то архитектурные сооружения. Нет, к духовной жизни все это не имеет никакого отношения, это просто путаница понятий. Духовная жизнь есть сочетание нашего духа с Духом Божиим, когда у нас возникает совместная с Богом жизнь. И прийти к этому можно только очистившись. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.*

Поэтому, если мы хотим узреть Христа, нужно соблюдать заповеди. Господь так и сказал: *кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое*. Идти за Христом можно только возлюбив Его. Да, каждый из нас, грешных людей, понимает, что мы Его недостойны, но устремление к Нему должно быть всегда. Любовь не предполагает пунктира: вот

в воскресенье мы собрались в храм, а в понедельник занялись чем-то другим, гораздо более интересным: пивком, бизнесом, еще какой-нибудь ахинеей. Если человек любит, любовью заполнено все его сердце. Нельзя делить Христа с чем-то еще. Если немножко Богу, немножко мамоне, немножко своим страстям, то так и останешься ни с чем. А если сердце все время будет трудиться, чтобы быть со Христом, вот тогда и будут результаты. Тогда каждый из нас независимо от возраста, пола,

❖ образования сможет тоже сделаться ловцом человеков, тоже привлекать людей к Богу, как когда-то привлекли и нас. Господь через апостола говорит: *обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов.* Не юридически, конечно, не так, что ты мне — я тебе. Нет, чтобы привести ко Христу, нужно сперва самому стать христианином. Сперва стань, а потом уже и приведешь. Помогите нам в этом, Господи. Аминь.

ИЗ БАТЮШКИНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ

Мы силится понять, что такое Евангелие, что такое спасение. И главное наше усилие должно быть в том, чтобы понять: зачем я в Церкви оказался, чего я хочу найти, кем я хочу стать?

Постараемся ту малую толику Духа Святаго, Духа Христова, которой мы сумели в храме приобщиться, хранить, оберегать, возгревать, ценить и благодарить Бога день и ночь за то, что Он нас из тьмы вызвал к свету.

Будем стараться устоять в добре, чтобы оно стало целью нашей жизни. Вот во имя чего надо жить, вот что ценно и важно.

Если уж мы пришли в Церковь, нужно, чтобы наш приход не стал пустым делом. Хотим мы действительно, чтобы этот шаг был направлен к Богу? Значит, нужно каяться, нужно исправлять свою жизнь, иначе мы ничего не увидим, ничего не поймем и все останется только красными словами.

Когда человек приближается к Богу, его молитва становится более действительна. У молитвы два крыла: милостыня и пост. Поэтому надо по возможности учиться поститься и творить милостыню. Это очень помогает нашей молитве.

Милостыня — это не обязательно деньги, которые мы раздаем при входе в храм, она может заключаться в чем угодно. Можно любому человеку помочь: себя в чем-то ущемить и сделать ему добро.

Только смирение может привлечь Божество.

Господь говорит: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» Он хочет найти ее в нас — не лукавство, не достижение какого-то мнимого благополучного бытия, а подлинное, живое отношение к Богу.

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

ХРАМ
СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА
ВОРОНЕЖСКОГО

ХРАМ
БЛАГОВЕЩЕНИЯ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

О К Т Я Б Р Ъ

пт 1	<p>Прп. Евмения, еп. Гортинского (VII). Прп. Евфросинии Суздальской, в миру Феодулии (прославление 1698). Прп. Илариона Оптинского (1873)</p> <p>Мц. Ариадны (II). Мцц. Софии и Ирины (III). Мч. Кастора. Вмч. Бидзины, мчч. Шалвы и Элизбара, князей Ксанских (ок. 1660) (Груз.). Собор новомучеников и исповедников земли Владимирской</p> <p>Сщмчч. Алексия <i>Кузнецова</i> и Петра <i>Дьяконова</i> пресвитеров (1918); сщмчч. Амфилохия, еп. Красноярского, Иоанна <i>Васильева</i>, Бориса <i>Богалепова</i>, Михаила <i>Скобелева</i>, Владимира <i>Чекалова</i>, Вениамина <i>Благонадеждина</i>, Константина <i>Твердислова</i> пресвитеров и мч. Сергия <i>Ведерникова</i> (1937)</p> <p>Молченской (1405), именуемой «Целительница» и Старорусской (возвращение ее в Старую Руссу в 1888 г.) икон Божией Матери</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Александр Т.	8 ⁰⁰ (С)	о. Филипп
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.
сб 2	<p>Суббота по Воздвижению. Мчч. Трофима, Савватия и Доримедонта (276). Блгвв. кнн. Феодора Смоленского (1299) и чад его Давида (1321) и Константина, Ярославских, чудотворцев. Прп. Алексия Зосимовского (1928)</p> <p>Мч. Зосимы пустынноика (IV). Блгв. вел. кн. Игоря Черниговского и Киевского (1147)</p> <p>Сщмчч. Константина <i>Голубева</i> пресвитера и с ним двух мучеников (1918); сщмчч. Николая <i>Искровского</i> пресвитера (1919); сщмчч. Константина <i>Богословского</i> пресвитера (1937); сщмчч. Нила <i>Смирнова</i> пресвитера, прмч. Марии <i>Мамонтовой-Шашиной</i> (1938); сщмчч. Никандра <i>Гривского</i> пресвитера (1939)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор о. Анатолий	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. о. Николай д. Виктор*
		Молебен о даровании детей			10 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий о. Михаил о. Дмитрий Н.	15 ³⁰ (В) 17 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Т. о. Андрей С. о. Федор (все)
вс 3	<p>Неделя 15-я по Пятидесятнице, по Воздвижению. Глас 6-й</p> <p>Вмч. Евстафия Плакиды, жены его Феопистии и чад их Агапия и Феописта (ок. 118). Мучеников и исповедников Михаила, кн. Черниговского, и боярина его Феодора, чудотворцев (1245)</p> <p>Прп. и блгв. кн. Олега Брянского (ок. 1285). Собор святых Брянской митрополии</p> <p>Сщмчч. Феоктиста <i>Смельницкого</i> и Александра <i>Тютюева</i> пресвитеров (1937)</p>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю) 8 ³⁰ (В)	о. Филипп о. Николай о. Александр Т. о. Андрей С.
		Исповедь Молебен	8 ³⁰	о. Анатолий о. Михаил о. Дмитрий Н.	9 ⁰⁰ (Ц) 10 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор (все)
		Божественная литургия	9 ³⁰			
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		
пн 4	<p>Седмица 16-я по Пятидесятнице (ев. чтения 18-й седмицы). Отдание праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня. Ап. от 70-ти Кодрата (ок. 130). Обрѣтение мощей свт. Димитрия, митр. Ростовского (1752)</p> <p>Прп. Даниила Шужгорского (XVI). Прп. Иосифа Заоникиевского (1612). Сщмчч. Ипатия епископа и Андрея пресвитера (ок. 730–735). Свт. Исаакия и Мелетия, епископов Кипрских. Мчч. Евсевия и Приска</p> <p>Сщмчч. Александра <i>Федосеева</i>, Алексия <i>Стабникова</i>, Константина <i>Широкинського</i>, Иоанна <i>Флерова</i> пресвитеров (1918); прмч. Маврикия <i>Полетаева</i> и мч. Василия <i>Кондратьева</i> (1937); сщмчч. Валента <i>Никольского</i>, Александра <i>Белякова</i>, Иоанна <i>Лазарева</i>, Андрея <i>Бенедиктова</i>, Петра <i>Сахаровского</i>, Иоанна <i>Никольского</i> пресвитеров (1937); сщмчч. Иоанна <i>Быстрова</i> пресвитера (1938); сщмчч. Василия <i>Крымкина</i> пресвитера (1942)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Вечерня Утрени	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.

вт 5	Прор. Ионы (VIII в. до Р.Х.). Сщмч. Фоки, еп. Синопийского (117). Прп. Ионы пресвитера (IX), отца святых Феофана, творца канонов, и Феодора Начертанных. Блж. Параскевы Дивеевской (1915) Прп. Ионы Яшезерского (после 1592). Прп. Макария Жабынского, Белевского, чудотворца (XVII). Собор Тульских святых. Мч. Фоки вертоградаря (ок. 320). Прав. Петра, бывшего мытаря (VI). Сщмч. Феодосия Бразского (1694) (Румын.) Сщмч. Вениамина, еп. Романовского (1932)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. о. Анатолий*	8 ⁰⁰ (С)	о. Андрей С.
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (С)	о. Илья
ср 6	Зачатие честного, славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Прославление свт. Иннокентия, митр. Московского (1977) Прпп. жен Ксанфиппы и Поликсении (109). Мц. Ираиды девы (ок. 308). Мчч. Андрея, Иоанна и чад Иоанновых Петра и Антонина (IX) Сщмч. Иоанна <i>Панкратовича</i> пресвитера (1937) Словенской иконы Божией Матери (1635)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Илья о. Филипп*
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Филипп	17 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
чт 7	Первомц. равноап. Феклы (I) Прп. Никандра пустынножителя, Псковского, чудотворца (1581). Прмч. Галактиона Вологодского (1612). Прп. Коприя (530). Св. Владислава, короля Сербского (после 1264) Сщмч. Василия <i>Воскресенского</i> диакона (1918); сщмчч. Андрея <i>Быстрова</i> и Павла <i>Березина</i> пресвитеров, прмч. Виталия <i>Кокорева</i> и мчч. Василия <i>Виноградова</i> , Сергия <i>Михайлова</i> и Спиридона <i>Савельева</i> (1937) Мирожской иконы Божией Матери (1198)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Филипп	8 ⁰⁰ (С)	о. Владимир Л.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Николай
пт 8	Прп. Евфросинии Александрийской (V). Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, чудотворца (1392) Прп. Евфросинии Суздальской, в миру Феодулии (1250). Перенесение мощей свт. Германа, архиеп. Казанского (1592). Прп. Досифеи затворницы, Киевской (1776). Прмч. Пафнутия египтянина и с ним 546-ти мучеников (III) Св. Николая <i>Розова</i> исп., пресвитера (1941). Обрѣтение мощей сщмчч. Александра <i>Смирнова</i> и Феодора <i>Ремизова</i> пресвитеров (1985)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор о. Михаил д. Яков	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Николай о. Андрей С.
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Т.
сб 9	Преставление апостола и евангелиста Иоанна Богослова (начало II). Свт. Тихона, патриарха Московского и всея России (прославление 1989) Прп. Ефрема Перекомского, Новгородского (1492). Прав. Гедена, судии Израильского (XII в. до Р.Х.). Блгв. кн. Нягу Басарабского (1521) (Румын.) Сщмчч. Афанасия <i>Докукина</i> , Александра <i>Левитского</i> и Дмитрия <i>Розанова</i> пресвитеров, мчч. Иоанна <i>Золотова</i> и Николая <i>Гусева</i> (1937); сщмч. Владимира <i>Вятского</i> пресвитера (1939)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Анатолий о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Т. о. Филипп д. Виктор
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Михаил о. Дмитрий Н. о. Анатолий	15 ³⁰ (В)	о. Николай о. Филипп
					17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор (все)
вс 10	Неделя 16-я по Пятидесятнице. Глас 7-й Мч. Каллистрата и дружины его: Гимнасия и иных (304). Прп. Савватия Соловецкого (1435) Апп. от 70-ти Марка, Аристарха и Зины (I). Мц. Епихарии (284–305). Прп. Игнатия (963–975). Сщмч. Анфима Иверянина, митр. Валашского (1716) (Румын.). Собор святых, в земле Испанской и Португальской просиявших (переходящее празднование в воскресенье перед 12 октября) Сщмч. Петра, митр. Крутицкого (1937). Сщмч. Дмитрия <i>Шилокина</i> пресвитера (1918); сщмчч. Германа, еп. Вольского, и Михаила <i>Платонова</i> пресвитера (1919); сщмч. Феодора <i>Богоявленского</i> пресвитера (1937)	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Дмитрий Н.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Андрей С. о. Александр Т.
		Исповедь Молебен	8 ³⁰	о. Михаил о. Анатолий	8 ³⁰ (В)	о. Николай о. Филипп
					10 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор (все)
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		

пн 11	Седмица 17-я по Пятидесятнице (ев. чтения 19-й седмицы). Прп. Харитона Исповедника (ок. 350). Прпп. схимонаха Кирилла и схимонахини Марии (ок. 1337), родителей прп. Сергия Радонежского Собор преподобных отцов Киево-Печерских, в Ближних пещерах (прп. Антония) почивающих. Прп. Харитона Сянжемского (1509). Прп. Иродиона Илоезерского (1541). Прор. Варуха (VI в. до Р.Х.). Мчч. Александра, Алфея, Зосимы, Марка пастыря, Никона, Неона, Илиодора и прочих (IV). Блгв. кн. Вячеслава Чешского (935) Обрѣтение мощей прмц. вел. кн. Елисаветы (1918). Мц. Анны <i>Лыкошиной</i> (1925); прмч. Илариона <i>Громова</i> , прмц. Михаила <i>Ивановой</i> (1937); прмц. Татианы <i>Чекмазовой</i> (1942)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Михаил</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Николай</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Федор К.</i>	17 ⁰⁰ (С)	<i>о. Андрей С.</i>
вт 12	Прп. Кириака отшельника (556) Мчч. Дады, Гаведдая и Каздои (IV). Прп. Феофана Милостивого Сщмч. Иоанна, архиеп. Рижского (1934)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Федор К. о. Анатолий*</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Андрей С.</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н.</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Т.</i>
ср 13	Сщмч. Григория епископа, просветителя Великой Армении (ок. 335). Прп. Григория Пельшемского, Вологодского, чудотворца (1442). Свт. Михаила, первого митр. Киевского (992) Мцц. Рипсимии, Гаиании и с ними 35-ти святых дев (начало IV) Сщмч. Прокопия <i>Попова</i> пресвитера (1918); сщмчч. Петра <i>Соловьева</i> , Вячеслава <i>Занкова</i> , Петра <i>Пушкинского</i> , Симеона <i>Лилеева</i> , Василия <i>Гурьева</i> , Александра <i>Орлова</i> пресвитеров, Серафима <i>Василенко</i> диакона, прмц. Александры <i>Червяковой</i> , мчч. Алексия <i>Серебренникова</i> и Матфея <i>Соловьева</i> , мц. Аполлинарии <i>Тупицыной</i> (1937)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н.</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Т.</i>
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	<i>о. Анатолий</i>	15 ³⁰ (В)	<i>о. Николай о. Александр Б.</i>
					17 ⁰⁰ (Ц)	<i>о. Федор (все)</i>
чт 14	Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии Ап. от 70-ти Анании (I). Прп. Романа Сладкопевца (ок. 556). Прп. Саввы Вишерского, Новгородского (1461) Мч. Домнина Солунского (IV). Прмч. Михаила, игумена Зовийского, и с ним 36-ти преподобномучеников (780–790). Празднование в честь Хитона Господня и Столпа Животворящего (Груз.). Равноап. царя Иверского Мириана (после 361) и царицы Иверской Наны (ок. 364) (Груз.). Собор Молдавских святых Сщмч. Алексия <i>Ставровского</i> пресвитера (1918); сщмчч. Михаила <i>Вологодского</i> пресвитера (1920); сщмчч. Александра <i>Агафоникова</i> , Георгия <i>Архангельского</i> , Николая <i>Кулигина</i> пресвитеров, мч. Иоанна <i>Артемова</i> (1937) Люблинской, Псково-Покровской, Касперовской, Браиловской, Гербовецкой и Барской икон Божией Матери	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	<i>о. Дмитрий Н.</i>	7 ⁰⁰ (В)	<i>о. Николай о. Александр Б.</i>
		Исповедь	9 ⁰⁰	<i>о. Анатолий о. Михаил</i>	9 ⁰⁰ (Ц)	<i>о. Федор (все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰	<i>д. Яков</i>	10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Михаил</i>	17 ⁰⁰ (С)	<i>о. Филипп</i>
пт 15	Сщмч. Киприана, мц. Иустины и мч. Феоктита (304). Блж. Андрея, Христа ради юродивого (936). Прав. воина Феодора Ушакова (1817) Блгв. вел. кн. Анны Кашинской (1368). Прп. Кассиана грека, Угличского, Учемского, чудотворца (1504). Мчч. Давида и Константина, князей Аргветских (740) (Груз.) Мц. Александры <i>Булгаковой</i> (1938)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Михаил</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Филипп</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Анатолий</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Б.</i>
сб 16	Сщмчч. Дионисия Ареопагита, еп. Афинского, Рустика пресвитера и Елевферия диакона (96) Прп. Дионисия, затворника Печерского, в Дальних пещерах (XV). Прп. Иоанна Хозевита, еп. Кесарийского (VI). Блж. Исихия Хоривита (VI) Свт. Агафангела исп., митр. Ярославского (1928) Трубчевской иконы Божией Матери (1765)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Федор о. Анатолий</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Б. о. Андрей С.</i>
		Молебен о даровании детей			10 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Николай</i>
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н. о. Михаил о. Анатолий</i>	15 ³⁰ (В)	<i>о. Андрей С. о. Филипп</i>
17 ⁰⁰ (Ц)	<i>о. Федор (все) д. Виктор</i>					

вс 17	Неделя 17-я по Пятидесятнице. Глас 8-й Сщмч. Иерофея, еп. Афинского (I). Обрѣтение мощей свт. Гурья, архиеп. Казанского, и Варсонофия, еп. Тверского (1595). Собор Казанских святых Блгв. кн. Владимира Ярославича Новгородского, чудотворца (1052). Прп. Елладия и Онисима Печерских, в Ближних пещерах (XII–XIII). Прп. Аммона, затворника Печерского, в Дальних пещерах (XIII). Мчч. Гаия, Фавста, Евсевия и Херимона (III). Сщмч. Петра Капетолійского (III–IV). Мцц. Домнины и дщереі ее Виринеи (Вероники) и Проскудии (Просдоки) (305–306). Прп. Аммона (ок. 350). Прп. Павла Препрѣстого (IV). Мчч. Давикта (Адавкта) и дщери его Каллисфении (IV). Св. Стефана Щилянновича (1515) (Серб.) Сщмч. Димитрия <i>Вознесенского</i> пресвитера (1918); сщмчч. Николая <i>Верещцагина</i> , Михаила <i>Твердовского</i> , Иакова <i>Бобырева</i> и Тихона <i>Архангельского</i> пресвитеров, прмч. Василия <i>Цветкова</i> (1937); св. Хионии <i>Архангельской</i> исп. (1945)	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	о. Андрей Щ.	6 ⁴⁵ (Ю)	о. Александр Б. о. Александр Т.
		Исповедь Молебен	8 ³⁰	о. Дмитрий Н. о. Михаил о. Анатолий	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор (все)
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерня Утренья	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		
пн 18	Седмица 18-я по Пятидесятнице (ев. чтения 20-й седмицы). Мц. Харитины (304). Свт. Московских Петра, Феоноста, Алексия, Киприана, Фотия, Ионы, Геронтия, Иоасафа, Макария, Филиппа, Иова, Ермогена, Тихона, Петра, Филарета, Иннокентия и Макария Прп. Дамиана пресвитера, целebника (1071), Иеремии (ок. 1070) и Матфея (ок. 1085) прозорливых, Печерских, в Ближних пещерах. Прп. Харитины, кн. Литовской, в Новгороде подвизавшейся (1281). Сщмч. Дионисия, еп. Александрийского (264–265). Мц. Мамелхвы Персидской (ок. 344). Прп. Григория Хандзтийского (861) (Груз.) Прп. Гавриила <i>Игошкина</i> исп. (1959)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Михаил о. Анатолий	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай о. Александр Б.
		Вечерня Утренья	17 ⁰⁰	о. Федор К.	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Андрей С.
вт 19	Апостола Фомы (I) Сщмч. Иоанна <i>Рыбина</i> пресвитера (1937)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор К. о. Анатолий*	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Андрей С.
		Вечерня Утренья	17 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	17 ⁰⁰ (С)	о. Владимир А.
ср 20	Мчч. Сергия и Вакха (290–303). Свт. Ионы, еп. Ханькоуского (1925) Прп. Сергия Послушливого, Печерского, в Ближних пещерах (ок. XIII). Прп. Сергия Нуромского (Вологодского) (1412). Обрѣтение мощей прп. Мартинаиана Белоезерского (1513). Мчч. Иулиана пресвитера и Кесария диакона (I). Мц. Пелагии Тарсийской (290). Мч. Полихрония пресвитера (IV) Сщмч. Николая <i>Казанского</i> пресвитера (1942) Псково-Печерской иконы Божией Матери, именуемой «Умиление» (1524)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Дмитрий Н.	8 ⁰⁰ (С)	о. Владимир А.
		Вечерня Утренья	17 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	17 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор (все) д. Феодосий
чт 21	Прп. Пелагии (457) Прп. Досифея Верхнеостровского, Псковского (1482). Прп. Трифона, архим. Вятского (1612). Собор Вятских святых . Прп. Таисии (IV). Св. Пелагии девицы (303) Сщмчч. Димитрия, архиеп. Можайского, и с ним Иоанна <i>Хренова</i> диакона, прмчч. Амвросия <i>Астахова</i> и Пахомия <i>Туркевича</i> , прмч. Татианы <i>Бесфамильной</i> , мч. Николая <i>Рейна</i> , мцц. Марии <i>Волнухиной</i> и Надежды <i>Ажгеревич</i> (1937); сщмч. Ионы, еп. Велижского, прмч. Серафима <i>Щелокова</i> , сщмчч. Петра <i>Никотина</i> , Василия <i>Озерецковского</i> , Павла <i>Преображенского</i> , Петра <i>Озерецковского</i> , Владимира <i>Сперанского</i> пресвитеров, мчч. Виктора <i>Фролова</i> , Иоанна <i>Рыбина</i> , Николая <i>Кузьмина</i> и мц. Елисаветы <i>Курановой</i> (1937); прмч. Варлаама <i>Ефимова</i> (конец 1930-х)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Андрей Щ.	8 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор (все) о. Александр Б.
		Вечерня Утренья	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Т.

пт 22	<p>Ап. Иакова Алфеева (I). Прпп. Андроника и жены его Афанасии (V)</p> <p>Прав. Авраама праотца и племянника его Лота (2000 г. до Р. Х.). Мчч. Еввентия (Иувентина) и Максима воинов (361–363). Св. Поплии исп., диакониссы Антиохийской (ок. 361–363). Прп. Петра Галатийского (IX)</p> <p>Сщмчч. Константина <i>Сухова</i> и Петра <i>Вяткина</i> пресвитеров (1918); сщмч. Константина <i>Аксенова</i> пресвитера (1937). Обрётение мощей прп. Севастиана <i>Фомина</i> исп. (1997)</p> <p>Корсунской иконы Божией Матери</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Анатолий</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Т.</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н.</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Б.</i>
сб 23	<p>Мчч. Евлампия и Евлампии (303–311). Свт. Иннокентия, еп. Пензенского (1819). Прп. Амвросия Оптинского (1891)</p> <p>Свт. Амфилохия, еп. Владимир-Вольнского (1122). Собор Вольских святых. Блж. Андрея, Христа ради юродивого, Тотемского (1673). Мч. Феотекна (III–IV). Прп. Вассиана (V). Прп. Феофила исп. (VIII)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Федор</i> <i>о. Дмитрий Н.</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Александр Б.</i> <i>о. Александр Т.</i> <i>д. Виктор</i>
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	<i>о. Анатолий</i> <i>о. Михаил</i> <i>о. Дмитрий Н.</i>	15 ³⁰ (В) 17 ⁰⁰ (Ц)	<i>о. Николай</i> <i>о. Александр Т.</i> <i>о. Федор (все)</i>
вс 24	<p>Неделя 18-я по Пятидесятнице. Глас 1-й</p> <p>Память святых отцов VII Вселенского Собора (787). Ап. Филиппа, единого от семи диаконов (I). Прп. Феофана исп., творца канонов, еп. Никейского (ок. 850). Прп. Льва Оптинского (1841). Собор всех святых, в Оптиной пустыни просяивших</p> <p>Прп. Феофана, постника Печерского, в Ближних пещерах (XII). Мцц. Зинаиды и Филониллы (I)</p> <p>Сщмчч. Филарета <i>Великанова</i> и Александра <i>Гривского</i> пресвитеров (1918)</p>	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	<i>о. Дмитрий Н.</i>	6 ⁴⁵ (Ю)	<i>о. Александр Б.</i> <i>о. Андрей Щ.</i>
		Исповедь Молебен	8 ³⁰	<i>о. Анатолий</i> <i>о. Михаил</i>	9 ⁰⁰ (Ц)	<i>о. Федор (все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Михаил</i>	17 ⁰⁰ (С)	<i>о. Николай</i>
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	<i>о. Михаил</i>		
пн 25	<p>Седмица 19-я по Пятидесятнице (ев. чтения 21-й седмицы). Мчч. Прова, Тараха и Андроника (304). Прп. Космы, еп. Маиумского, творца канонов (ок. 787)</p> <p>Прп. Амфилохия, игумена Глушицкого (1452). Мц. Домники (286). Свт. Мартина Милостивого, еп. Турского (ок. 400). Перенесение из Мальты в Гатчину части Древа Животворящего Креста Господня, Филермской иконы Божией Матери и десной руки Иоанна Крестителя (1799)</p> <p>Св. Иоанна <i>Летникова</i> исп. (1930); прмч. Лаврентия <i>Левченко</i> (1937); сщмч. Александра <i>Поздеевского</i> пресвитера (1940); свт. Николая исп., митр. Алма-Атинского (1955)</p> <p>Иерусалимской (48), Ярославской-Смоленской (1642), Рудненской (1687) и Калужской (1812) икон Божией Матери</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Михаил</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Николай</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Федор К.</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Андрей С.</i>
вт 26	<p>Иверской иконы Божией Матери (принесение в Москву в 1648 г.). Мчч. Карпа, еп. Фиатирского, Папилы диакона, Агафодора и мц. Агафоники (ок. 251)</p> <p>Прп. Вениамина Печерского, в Дальних пещерах (XIV). Мч. Флорентия (I–II). Мч. Вениамина диакона (421–424). Прп. Никиты исп. (ок. 838). Свт. Мелетия, патриарха Александрийского (1601). Воспоминание чуда вмц. Златы (Хрисы) в Скопье (1912)</p> <p>Сщмчч. Иннокентия <i>Кикина</i> и Николая <i>Ермолова</i> пресвитеров (1937). Обрётение мощей сщмч. Фаддея, архиеп. Тверского (1993)</p> <p>Седмиезерной иконы Божией Матери (XVII)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Федор К.</i> <i>о. Анатолий</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Федор</i> <i>о. Андрей С.</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н.</i>	17 ⁰⁰ (С)	<i>о. Илья</i>
ср 27	<p>Мчч. Назария, Гервасия, Протасия, Келсия (54–68). Прп. Параскевы-Петки Сербской (XI)</p> <p>Прп. Николы Святоши, кн. Черниговского, Печерского, чудотворца, в Ближних пещерах (1143). Мч. Сильвана, пресвитера Газского (IV)</p> <p>Сщмч. Михаила <i>Лекторского</i> пресвитера (1921); свт. Амвросия исп., еп. Каменец-Подольского (1932); сщмч. Петра <i>Лебедева</i> пресвитера (1937); прмч. Максимилиана <i>Марченко</i> (1938)</p> <p>Яхромской иконы Божией Матери (XV)</p>	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Дмитрий Н.</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Илья</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	<i>о. Андрей Щ.</i>	17 ⁰⁰ (Ю)	<i>о. Владимир Л.</i> <i>д. Феодосий</i>

чт 28	Прп. Евфимия Нового, Солунского (898). Прмч. Лукиана, пресвитера Антиохийского (312). Свт. Афанасия исп., еп. Ковровского (1962) Свт. Иоанна, еп. Суздальского (1373). Сщмч. Лукиана Печерского, в Дальних пещерах (1243). Мчч. Сарвила и Вевеи (II). Свт. Савина, еп. Катанского (760) Сщмч. Симеона <i>Конюхова</i> пресвитера (1918); сщмч. Димитрия <i>Касаткина</i> пресвитера (1942) Иконы Божией Матери «Спорительница хлебов» (XIX)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Андрей Щ.</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Владимир Л. <i>о. Александр Б.*</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Владимир А.	17 ⁰⁰ (С)	о. Александр Т.
пт 29	Мч. Лонгина сотника, иже при Кресте Господни (I) Прп. Лонгина, вратаря Печерского, в Дальних пещерах (XIII–XIV). Прп. Лонгина Яренгского (1544–1545). Обрѣтение мощей свт. Иоанна, митр. Тобольского (1914). Прп. Галла (ок. 650) Св. Георгия <i>Троицкого</i> исп., пресвитера (1931); сщмч. Евгения <i>Елховского</i> пресвитера (1937); сщмч. Алексия <i>Никонова</i> пресвитера (1938); сщмч. Иоанна <i>Заседателева</i> пресвитера (1942)	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	<i>о. Владимир А.</i>	8 ⁰⁰ (С)	<i>о. Александр Т.</i>
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Анатолий	17 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б.
сб 30	Прор. Осии (820 г. до Р. Х.). Прмч. Андрея Критского (767) Прп. Антония Леохновского, Новгородского (1611). Мчч. бесребреников Космы и Дамиана Аравийских и братьев их мчч. Леонтия, Анфима и Евтропия (287 или 303). Перенесение мощей прав. Лазаря Четверодневного, еп. Китийского (898) Сщмчч. Неофита <i>Любимова</i> и Анатолия <i>Ивановского</i> пресвитеров, прмчч. Иакинфа <i>Питателева</i> и Каллиста <i>Опарина</i> (1918); сщмч. Александра, архиеп. Семипалатинского (1937) Икон Божией Матери, именуемых «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» (1827) и «Избавительница»	Исповедь Божественная литургия	8 ⁰⁰	о. Федор <i>о. Анатолий</i>	8 ⁰⁰ (Ю)	о. Александр Б. о. Николай
		Молебен о даровании детей			10 ⁰⁰ (Ю)	о. Николай
		Всенощное бдение Исповедь	17 ⁰⁰	о. Михаил о. Дмитрий Н. о. Анатолий	15 ³⁰ (В) 17 ⁰⁰ (Ц)	о. Александр Т. о. Андрей С. <i>д. Виктор</i> о. Федор <i>(все)</i>
вс 31	Неделя 19-я по Пятидесятнице. Глас 2-й Апостола и евангелиста Луки (I). Обрѣтение мощей прп. Иосифа, игумена Волоцкого, чудотворца (2001) Мч. Марина (IV). Прп. Иулиана (IV). Вмч. Златы (Хрисы) (1795) (Болг.) Сщмчч. Андрея <i>Воскресенского</i> , Сергия <i>Бажанова</i> , Николая <i>Сokolова</i> и Сергия <i>Гусева</i> пресвитеров, мч. Елисаветы <i>Крымовой</i> (1937)	Исповедь Божественная литургия	7 ⁰⁰ (Ел)	<i>о. Анатолий</i>	6 ⁴⁵ (Ю) 8 ³⁰ (В)	о. Андрей Щ. <i>о. Николай</i> о. Александр Т. о. Андрей С.
		Исповедь Молебен	8 ³⁰	о. Михаил о. Дмитрий Н.	9 ⁰⁰ (Ц)	о. Федор <i>(все)</i>
		Божественная литургия	9 ³⁰		10 ⁰⁰ (Ц)	
		Вечерняя Утреня	17 ⁰⁰	о. Михаил	17 ⁰⁰ (С)	о. Николай
		Молебен свт. Митрофану	18 ³⁰	о. Михаил		

В Благовещенском и Митрофаниевском храмах ежедневно дежурит священник или диакон, к которому можно обращаться со своими вопросами и нуждами. Имя дежурного в расписании выделено курсивом. Знаком (*) отмечен дежурный священнослужитель, не принимающий участия в службах.

ХРАМ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ВОНИФАТИЯ. Служащие о. Борис, о. Андрей Щ.

вт 5 октября	16 ⁰⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
ср 6 октября	8 ¹⁵ – Исповедь Божественная литургия
ср 13 октября	16 ⁰⁰ – Всенощное бдение
чт 14 октября	8 ¹⁵ – Исповедь Божественная литургия
вт 19 октября	16 ⁰⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
ср 20 октября	8 ¹⁵ – Исповедь Божественная литургия
вт 26 октября	16 ⁰⁰ – Молебен с акафистом мч. Вонифатию
ср 27 октября	8 ¹⁵ – Исповедь Божественная литургия

ПТ 1 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня Утренья
СБ 2 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 3 ОКТЯБРЯ	8 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия
ЧТ 7 ОКТЯБРЯ	6 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ПТ 8 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
СБ 9 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 10 ОКТЯБРЯ	8 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия
СР 13 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ЧТ 14 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен прп. Андрею Рублеву и свт. Спиридону
ПТ 15 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня Утренья
СБ 16 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 17 ОКТЯБРЯ	8 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Вечерня Утренья
ПН 18 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
ЧТ 21 ОКТЯБРЯ	6 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен прп. Андрею Рублеву и свт. Спиридону
ПТ 22 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня Утренья
СБ 23 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 24 ОКТЯБРЯ	8 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия
ПН 25 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня Утренья
ВТ 26 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
ЧТ 28 ОКТЯБРЯ	6 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия 18 ⁰⁰ – Молебен прп. Андрею Рублеву и свт. Спиридону
ПТ 29 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня Утренья
СБ 30 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 31 ОКТЯБРЯ	8 ³⁰ – Исповедь Божественная литургия

ХРАМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА АРТОБОЛЕВСКОГО. *Служащий о. Владимир А.*

СБ 2 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 3 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
ЧТ 7 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ПТ 8 ОКТЯБРЯ	9 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
СБ 9 ОКТЯБРЯ	9 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 10 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
СР 13 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ЧТ 14 ОКТЯБРЯ	9 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
СБ 16 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 17 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
ПТ 22 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня Утрени
СБ 23 ОКТЯБРЯ	9 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия 17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 24 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
ПН 25 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Вечерня Утрени
ВТ 26 ОКТЯБРЯ	9 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия
СБ 30 ОКТЯБРЯ	17 ⁰⁰ – Всенощное бдение
ВС 31 ОКТЯБРЯ	8 ⁰⁰ – Исповедь Божественная литургия

ХРАМ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ. *Служащий о. Борис*

ВС 31 ОКТЯБРЯ	16 ⁰⁰ – Вечерня Утрени
ПН 1 НОЯБРЯ	8 ³⁰ – Часы Исповедь Божественная литургия

Также в храме совершаются ранние службы в воскресные дни и большие праздники.

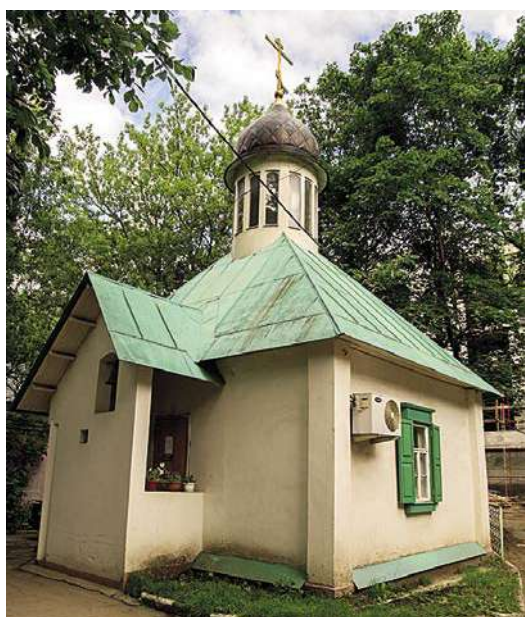
В расписание богослужений могут вноситься изменения, вызванные болезнью священников и другими непредвиденными обстоятельствами.

Просим пожертвовать на лечение коня Лунтика из конной школы при Детском пансионе «Павлин» в Мышкино. Это любимый конь отца Дмитрия, батюшка часто ездил на нем верхом. Весной Лунтик захромал и ему диагностировали артроз. Курс лечения улучшил состояние, но необходима поддерживающая терапия. Екатерина Сергеевна, руководитель конной школы, тел. 8-963-772-26-13. Карточка привязана к этому номеру, переводить деньги с пометкой «для Лунтика».

СЕСТРИЧЕСКИЙ ХРАМ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ

ХРАМ МУЧЕНИКА ВОНИФАНИЯ

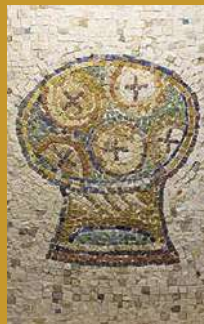
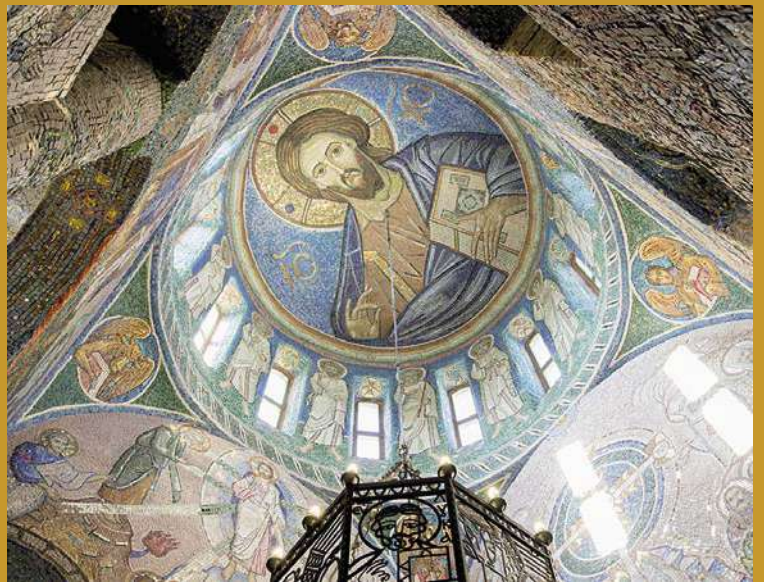
ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В МЫШКИНО

ХРАМ ТРОИЦЫ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ В ГОРЕТОВО

КРЕСТИЛЬНЫЙ ХРАМ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЛАДИМИРА МЕДВЕДЮКА

СТРОЯЩИЙСЯ ХРАМ ВО ИМЯ ЦАРСТВЕННЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ

